

*М.И. Черемисина*

## Управление как класс синтаксических связей<sup>1</sup>

*Аннотация.* В статье рассматривается объем понятия «управление» на материале разных языков, его место в общей системе синтаксических связей.

In the article the notion of government is considered based on the different languages data, its place in a general hierarchy of syntactical relationships is discussed.

*Ключевые слова:* синтаксическая связь, управление, русский язык, тюркские языки.

Syntactical relationship, government, the Russian language, the Turkic languages.

*УДК:* 81'367.

*Контактная информация:* 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор языков народов Сибири. Тел.: (383)330-84-69.

### **1. Место управления в общей системе связей**

В большинстве языков мира управление – важнейшая подчинительная синтаксическая связь, используемая не только широко, но и разнообразно. Основная сфера управления – элементарное простое предложение, отношения между предикатами и их актантами и сирконстантами, которые обычно выражаются именами существительными. Чаще всего управление наблюдается в сочетаниях предикатов с формами существительных. Нередко оно и трактуется как выбор падежной формы управляемого слова.

К сожалению, как научное понятие управление остается теоретически слабо проработанным. Как это нередко бывает с лингвистическими понятиями, специалисты ясно представляют себе группу фактов, безусловно подразумеваемых этим термином, но совсем неясно – до каких пределов может и должна распространяться область его применения. В этой статье я хотела бы привлечь внимание к некоторым вопросам, связанным с границами управления и его внутренней структурой, с признаками, позволяющими дифференцировать разные виды и типы этой связи.

В общем понятии подчинения управление объединяется с согласованием и примыканием, поскольку все эти связи реализуются в сочетаниях подчиняющего (господствующего, доминирующего) и подчиненного компонентов. Отсюда следует, что подчинение понимается как однонаправленная зависимость, которая должна быть противопоставлена двусторонним связям: координации между главными членами предложения, «отражению» (изафету) как связи компонентов субстантивной посесивно-определяющей группы в алтайских языках и другим видам взаимного подчинения. Однако одну из сторон и координации, и изафета (а близость этих типов связи, наличие между ними значимых общих признаков, у меня не вызывает сомнений) составляет связь типа согласования, а другую – типа управления.

Современная синтаксическая теория признает сказуемое конструктивным центром предложения, «пультом управления» его построением, а это неизбежно влечет за собой управление связи предиката-сказуемого с первым и с остальными актантами. Но вопрос: чем отличается требование имени-тельного падежа, падежа, адресуемого дополнением, – остается. Вряд ли теоретически состоятельна апелляция к регулярности, «всеобщности» подлежащей валентности, ее наличию у большинства сказуемых и т.п. Ведь и управление родительным падежом субстантивного определения тоже не индивидуально. В алтайских языках «первый актант» зависимой части полипредикативной конструкции, как, кстати, и первый член изафета, нередко выступает в формах родительного падежа, который в этих конструкциях конкурирует с неопределенным падежом. В языках, где родительного нет, субстантивное определение выступает в форме неопределенного падежа. Но перестает ли оно в этом случае быть управляемым? В эргативной конструкции падежные формы обоих компонентов обусловлены требованиями, исходящими от глагола-сказуемого и должны быть признаны управляемыми.

Из сказанного следует, что термин управление используется в разных объемах и смыслах: в узком – когда подразумевает только однонаправленную связь, в широком – когда включает в себя один из аспектов двунаправленных связей. В этих случаях мы имеем дело не только с разными употреблением термина управление, но и с несколько разными видами самой подразумеваемой связи.

---

<sup>1</sup> Статья представляет собой переработанные тексты лекций, прочитанных М.И. Черемисиной в 1992 г. студентам кафедры языков и фольклора народов Сибири НГУ.

Чтобы осознать существо различий между управлением первыми и не первыми актантами, нужно исследовать, с чем вообще могут быть связаны и в чем могут состоять «видовые различия» управления. А с этой точки зрения важно вернуться к понятию управления, к признакам, которые различают управление и согласование. Оба эти типа связей морфологически выражены: в обоих случаях зависимый компонент сочетания несет на себе морфологический показатель зависимости. Разницу между ними я вижу в следующем.

Согласование – это соответствие (не тождество!) грамматических значений и формы подчиненной словоформы грамматическим значениям подчиняющей словоформы. Это связь на уровне словоформ: *пушистый котенок, пушистой кошечки, пушистых котят*. Управление же есть соответствие зависимой словоформы некоторому требованию, исходящему от управляющего компонента. Поскольку же это требование (валентность) обычно не меняется при различных грамматических поворотах ведущего компонента: *купи Маше подарок / купить Маше подарок / купив Маше подарок* и др., – управляющий компонент часто интерпретируется как слово. Например, в словаре О.С. Ахмановой: «Управление – ...выбор падежной формы подчиняющего слова, определяемый не данной грамматической формой подчиняющего слова (не данной его словоформой), а его свойствами как лексемы» [1966: 486].

Простое наблюдение и первые же попытки осмыслить реальное многообразие реальных синтаксических связей, интерпретируемых как управление, заставляют усомниться в том, что валентности всегда исходят от слова (а не от формы слова) и определяются его свойствами как лексемы. Поэтому есть смысл глубже вдуматься в те свойства управляющих компонентов, которые делают их источником определенных валентностей, а также о том, какие свойства этой синтаксической связи могут мотивироваться теми или иными типологическими особенностями источника управления.

Валентность – свойство, принадлежащее управляющему компоненту как единице и лексике, и грамматики. Некоторые валентности действительно определяются индивидуальной семантикой слова, например: *радоваться* чему? *огорчаться* чем? *бояться* чего? *ревновать* к кому? *сожалеть* о чем? *обижаться* на что? В русском языке глаголы эмоциональной реакции характеризуются каждый из них своей валентностью стимула, в отличие от алтайских языков, где все такие глаголы управляют в основном дательным падежом стимула.

Наряду с индивидуальными валентностями, которые характерны преимущественно для глаголов и отглагольных существительных, есть и валентности, присущие лексико-грамматическому или семантико-грамматическому классу. Границы таких классов могут совпадать с границами частей речи. Так, «посессивно-атрибутивная» валентность принадлежит всем существительным, безотносительно к их индивидуальным лексическим значениям. Но такие классы могут быть и уже: валентностная граница может проходить внутри части речи, выделяя какую-то область. Например, специфическим управлением характеризуются переходные глаголы в языках и номинативного, и эргативного строя. Переходность – универсальная лексико-синтаксическая категория, в большинстве языков не получающая прямого морфологического выражения. Другой, не универсальный, малочисленный семантико-синтаксический класс составляют безличные глаголы, лишенные подлежащей валентности.

Некоторые принадлежат предикатам определенной семантики независимо от их частеречных характеристик. Например, предикатам местонахождения, направленного движения, перемещения свойственны локальные валентности: *поехал в Индию, жил в Индии, вернулся из Индии, послал в Индию, путешествие в Индию, пребывание в Индии, возвращение из Индии, отправка в Индию*. Некоторые предикаты эмотивной семантики характеризуются общностью ведущих валентностей у глагольной и именных форм, например, *обидеться на что? Обида на что?* – в отличие от случаев, когда валентность стимула присуща только глаголу: *радоваться чему?* Но *радость* только *из-за чего?* (это уже причина, а не стимул).

Категориальные валентности могут детерминироваться и принадлежностью управляющей формы к определенному классу форм той или иной части речи. Под формами я понимаю сейчас морфологически маркированные производные основы определенных частей речи, например, формы инфинитива, деепричастий, степеней сравнения прилагательных и т.п. Специфические валентности таких форм обусловлены, именно тем аспектом их семантики, который исходит от аффикса, а не от корня (или основы без этого аффикса).

В сфере имени примером формы, иницирующей специфическую валентность, может быть русская синтетическая форма сравнительной степени качественных прилагательных и наречий, которую Грамматика – 70 называет компаративом и рассматривает как особый класс [Грамматика 1970: 400–402]. Этой форме присуща валентность генитива: *павлин красивее воробья*. В алтайских языках, где форм сравнительной степени нет, этой валентности соответствует валентность исходного падежа,

присущая качественным прилагательным как семантическому, а не формальному классу. Например: алт. *Уулым онын балдарынан жаан* 'Мой сын старше его (от) детей'.

Значительно шире этот тип управления представлен в сфере глагола. Например, формам инфинитива в разных языках присуща специфическая субъектная валентность дательного падежа, которой не имеют финитные формы: *Он стал (был) генералом. – Не стать (не быть) ему генералом; Тебе завтра дежурить. – Я уже дежурил вчера.* Подлежащей валентности именительного падежа инфинитив не имеет, как, кстати, и русские деепричастие и причастие. Но каждая из этих глагольных форм по-своему преломляет органически присущую глаголу потребность в соотношении действия с его источником. Для инфинитива это «адресатный поворот» субъектной валентности. Для русских деепричастий – переадресование ее субъекту действия финитного глагола; для некоторых бурятских деепричастий характерен «генитивный поворот». На более сложных трансформациях субъектно-подлежащей валентности, связанных с причастизацией глагола, задерживаться сейчас не буду в связи с неоднозначностью понимания термина «причастие» в разных грамматических традициях.

Специальный интерес представляют в этом отношении залоговые формы глаголов. В разных языках они очень разнообразны и даже трудно сопоставимы. С самим понятием залога, залоговых значений, залоговых форм и конструкций связано много неясного. Связь залоговых форм с особыми системами валентностей очевидна. Но иногда выражение залоговых значений связано действительно с формами, как в случае русского пассива (*куплен, прибит*); но иногда, как в алтайских языках, это не формы, а глаголы с полной собственной парадигмой и нередко и с особым лексическим значением. Алтайские глаголы взаимно-совместного залога, принимая соответствующие аффиксы, вместе с ними приобретают и валентность творительного или совместного падежа, адресованную актанту-соучастнику. Перестраивает систему валентностей и аффикс каузатива, по-разному воздействуя на исходно непереходные и переходные глаголы. Аффиксы страдательного и возвратного залогов тоже предопределяют своеобразие валентностей, и эти закономерности, в каждом языке свои, заслуживают внимания.

Разнообразие типов управления этим не исчерпывается. Некоторые противопоставления используются лингвистами: слабое / сильное, обязательное / факультативное, реже – вариативное / невариативное; но не совпадают ли критерии сильного и обязательного управления? И как эти виды управления соотносятся с вариативностью? Готовых ответов нет, это нужно специально исследовать; какие-то характеристики могут быть лишними.

Заслуживает внимания и вопрос о том, только ли существительное может быть управляемым.

Общеизвестно, что управляемыми могут быть существительные и аналоги существительных – все субстантивированные прилагательные, причастия. Числительные, включая и некоторые употребления неизменяемых слов в речи (*наслушался я этих ахов и охов*). Но можно ли распространять понятие управления на глагольные формы? И если нет, то почему?

Инфинитив в роли дополнения трактуется как примыкающая «неизменяемая форма»; но ведь форма есть результат изменения, и, может быть, это та самая форма, которую принимает глагол по требованию доминирующего над ним слова?

Когда управление противопоставляется согласованию и примыканию, на первый план, естественно, выдвигаются такие признаки этого синтаксического механизма, которые свойственны всем видам управления. Само наличие таких признаков и является основанием для построения общего понятия управления. Однако стоит внимательнее приглядеться к тем синтаксическим связям, которые охватываются этим понятием, рассмотреть их в их реальном, конкретном разнообразии, чтобы убедиться в том, как сложное единство реальных синтаксических связей «покрывается» этим термином, и как настоятельно это множество требует прояснения и упорядочивания в форме научного понятия. Упорядочение я понимаю как логическую операцию над объектами в сфере понятийного типа, которая состоит в систематизации разнообразных возможностей управления, в выявлении тех признаков, которые позволяют вычленивать разные типы и виды управления и противопоставлять одни виды и типы другим. Итогом упорядочения этого исходного множества связей должно быть представление его как некоторой системы.

Таким образом, мы будем понимать управление как особый класс синтаксических связей, включающее множество различных видов связей, противопоставленных друг другу на основании ряда дифференциальных признаков, характер которых мы хотели бы выяснить. Управлением мы будем называть такие разновидности формально выраженных, однонаправленных подчинительных связей между компонентами предложения, когда форма ведомого компонента обусловлена требованием, исходящим от лексико-грамматического содержания ведущего компонента.

В этом определении использованы термины, которые сами требуют если не определения, то, по крайней мере, существенных пояснений. Это, во-первых, термин «компонент предложения», во-вторых, «лексико-грамматическое содержание».

Термин «компонент» мы предпочли термину «слово» как более широкий, имея в виду такие, например, случаи управления, как «управление через предлог (послелог, служебное имя)»: в этих случаях ведомый компонент предстает как сочетание служебного и знаменательного слова, которое, в свою очередь, может быть управляемым, как в русском, или примыкающим, как в английском или французском. Такой подход важен в сопоставительных исследованиях, потому что он позволяет рассматривать в одном ряду русские формы типа *принес письмо брату* или *мы поедem в деревню к отцу*, алтайские типа *Бу бичикти сыйныма садып ал* 'Купи эту книгу моей младшей сестре' или *Деремнеге бис жеттезибис* 'До деревни мы не доедем'.

О «лексико-грамматическом содержании» ведущего компонента как об источнике управляющей силы нас вынуждает говорить, с одной стороны, необходимость отграничить управление от согласования, поскольку при согласовании форма ведомого слова предопределяется грамматической формой (или точнее, грамматическими характеристиками) ведущей формы же.

На первый взгляд, кажется, что управление исходит от слова (а не от формы) – и такого указания достаточно. Однако в случаях типа *картины Рубенса, лай дворняжки, крыша здания, семья Любимовых, цвет лица* форма зависимого слова, родительный падеж, которая всегда признается управляемой, от ведущего слова практически ничего не зависит. Ведь любое существительное в данной грамматической позиции «потребуется» родительного падежа от своего именного определения. Значит, источник управления в этом случае – категориальный компонент семантики управляющего слова, та сема, которая делает его существительным. Формы родительного падежа требуют существительное как часть речи, а не данное слово-существительное.

Совсем другой случай – управление, исходящее от семы, формирующей определенную лексико-семантическую группу (ЛСГ). Например, во всех алтайских языках эмотивные глаголы четко делятся на две группы. Первая группа – эмотивные глаголы, управляющие дательным падежом слова, представляющего стимул эмоциональной реакции. Вторая группа – глаголы отталкивания – управляют исходным падежом. В то время как в русском это управление индивидуально. Например: *рассердился на брата, обрадовался подарку, обиделся на шутку, ревнует жену к брату, гордиться успехами, печалится о сестре, восхищаться красотой гор; бояться чего? стыдиться чего? брезговать чем? испытывать отвращение к чему-л.*

Поэтому мы предпочитаем говорить не о слове как источнике управления, а о содержании слова в различных его аспектах – от индивидуального лексического значения того или иного слова, глагола, до широкого, обобщенного лексико-семантического компонента, отличающего ЛСГ, класс слов, разного объема, вплоть до части речи, или даже класс форм в рамках части речи.

## **2. Падежное управление предикатов как центр системы управления**

Основной тип управления – это, конечно, управление, исходящее от предикатов, т. е. сказуемых, главных, второстепенных или потенциальных, управление актантами. Предикаты наиболее последовательно и четко представлены, конечно, глаголами, а актанты – существительными. Падежная маркировка актантов в соответствии с тем, какого рода предметное окружение необходимо данному глаголу для реализации представления о подразумеваемом действии – самый яркий, классический случай управления. Например: *Учитель отобрал у озорника рогатку; Недавно они переехали из общежития в отдельную квартиру; Я умею прыгать через лужи; До луны не дотянуться.*

Сказуемое – конструктивный центр предложения, «пульт управления» построением предложения. Поэтому не удивительно, что именно этот вариант синтаксической связи лег в основу определений понятия «управление», которое в силу этого оказалось сильно зауженным. Ниже я постараюсь показать, что объем данного понятия много шире, но сейчас остановимся на этом центральном случае управления.

С глагольным (предикатным) управлением связан первый, самый ответственный шаг в построении предложения. Первый этап этого действия состоит в том, что исходное, еще расплывчатое представление о ситуации, подлежащей отражению в речи, кристаллизуется как представление о «признаке» (действии, состоянии, качестве), сопряженном с представлениями о тех предметах (лицах), без которых сам данный признак (действие, качество) не мог бы мыслиться как таковой. Например, признак «побледнеть» не может мыслиться безотносительно к представлению о человеке, лицо которого становится бледным; акцию «продать» не может мыслиться как таковая без необходимых участников, – того, кто продает, что продает, кому и за какую цену. Глагол *отзывать* предполагает субъект, т. е.

того, кто отзывает, пациенс, которого отзывают, локализатор – откуда? Потенциально при этом предикате есть место причинно-целевой мотивировки: по какой причине или зачем?

Наблюдения над закономерностями управления в разных языках позволяют увидеть универсальный характер систем основных ролей. Несмотря на большие различия в организации падежных систем, главное назначение которых и состоит в том, чтобы маркировать и различать роли участников жизненных ситуаций, подлежащих отражению в речи, число этих ролей и состав их в первом приближении признать универсальным, не зависящим от числа и вообще от наличия падежей.

Первым актантом – чаще всего, признается агенс, т.е. активно действующий предмет. В роли агенса чаще всего выступает лицо, реже животное: *птицы вьют гнезда, воспитывают, кормят птенцов; пчелы собирают мед; собака сторожит дом, лает на чужих, понимает хозяина*. Стихийный источник действия, которое производится над другими предметами: *Лавина уничтожила лагерь альпинистов*.

Иногда агенсом называют и другую роль предметного участника ситуаций: лицо или предмет, пребывания в определенном состоянии, испытывающий или совершающий нечто, не связанное с участием других предметов и лиц: *ребенок заснул; мы проголодались; книги лежат на полке; заходящее солнце отражается в окнах домов; школьники мало читают*. В индоевропейских и алтайских языках обе эти роли выражаются подлежащими, что и является основанием для их сближения. Но во многих языках этим ролям соответствуют разные формы, что закономерно требует их различения и в теории, и в терминологии.

Второй по значимости участник ситуации, «второй актант», – это пациенс или объект, испытывающий на себе действие агенса. В традиционной грамматике ему соответствует понятие прямого дополнения. Например: *почтальон разносит письма; водитель остановил машину; кролик ест морковь; я не получил вашего письма*. В предложениях формируемых переходными глаголами, этот актант так же необходим, как и первый. В русском, немецком, алтайском и ряде других языков для выражения этой роли есть специальные падежные формы, и прежде всего, конечно, формы винительного падежа. Но эта роль более универсальна, чем винительный падеж, и может выражаться иными средствами, о чем свидетельствуют приведенные примеры.

Третья стандартная роль – это роль орудия действия, посредника между агенсом и пациенсом, средства, позволяющего осуществить данное действие. Например: *утюгом гвозди не забивают; помажь булку повидлом; пошевели мозговой извилиной; силой тут ничего не добьешься; одной редиской сыт не будешь; поездом в Туву не доедешь*.

Следующая группа ролей тесно связана между собой. Это, во-первых, адресат действия (*скажи отцу, дай мне*); во-вторых, лицо, в интересах которого производится действие (*построил дочери погреб; сшила дочка юбку*). С этой ролью «адресата – направления действия» системно связана и в определенном смысле противопоставлена ей другая «векторная» роль – предмета, от которого направлено действие (в частности, движение) или исходит интенция отталкивания на субъект или объект действия. Например, с одной стороны, *отойди от окна; отвяжи веревку от чемодана, достали ведро из колодца; спустились с горы* и т.п. («откуда» – в противоположность «куда»); с другой стороны – *волки боятся огня; мальчик стеснялся своей рваной одежды; я отказался от поездки по побережью* и др., где идея движения откуда-то свернута до минимума, до импульса отталкивания, отчуждения, отстранения. Но тем не менее внутреннее единство этих двух сторон не вызывает сомнения, как и в случае «адресатно-направительной» роли. И наконец, третья роль в этой подсистеме, которую есть основания считать для нее центральной – это роль пространственного локализатора, противопоставлена обоим векторам. Этот актант необходим для реализации предикатов местоположения: где пребывает некто или нечто?

Особое место в этой системе занимает актант, связанный с другим предметом посессивными отношениями: *член семьи, отец четверых детей, жилище вдовы, пальцы ребенка, клубок змей, причина событий* и мн. другое.

Нетрудно представить себе такую «идеальную» падежную систему, в которой каждый падеж соответствовал бы этим одной из основных стандартных ролей. Номинатив, именительный падеж, соответствует роли агенса, аккузатив, или винительный падеж, выражает объект-пациенс, датив делится бы на падеж адресата и направительный, аблатив (исходный или отложительный) – падеж «исходного пункта», инструментальный (орудный, орудийный, творительный) – падеж орудия, средства. Шестым в этой системе должен быть посессивный падеж или генитив (родительный).

Шести-семи падежная модель оказывается довольно широко воспроизводимой в разных языках и в древних индоевропейских языках: в латыни, греческом, санскрите, старославянском. В современном русском языке утрачен аблатив, реликтом, или, точнее, отголоском которого является родительный прилагольный (для «настоящего» генитива прилагольное употребление совершенно не харак-

терно). По существу утрачен современным русским и местный падеж: его остатки – те специфические формы, которые школьные грамматики относят к предложному падежу, но, которые, однако, четко противопоставлены предложным формам делиберативной и другой семантики (сравним: *в лесу*, но *о лесе*; *на мосту*, но *о мосте*). Русский предложный падеж полностью лишен собственной семантики и употребляется только в сочетании с разнообразными предлогами. Однако, это не единственная форма, сочетающаяся с предлогами. Сугубо периферийным, остаточным является и русский частичный (партитивный) падеж, формы которого, как и формы местного падежа, образуются от считанного числа слов: *налейте чаю, квасу; дайте сахару, табаку*; ср. приименное употребление этой формы, невозможно для винительного падежа, но характерно для родительного: *пачка сахару, чаю, кружка квасу* и др., – архаичные и находящиеся сейчас, видимо, уже на границе нормативности.

Близки к этому эталону и падежные системы многих современных алтайских языков – тюркских и монгольских. Ядро типичной тюркской падежной системы составляют 7 падежей без направительного, который есть в тувинском и в хакасском. В том числе 6 приглагольных (которые возможны и при предикатах других частей речи): неопределенный (или основной), винительный, дательный, местный, исходный и творительный, который формировался относительно недавно на базе послеложного сочетания, и один, в основном, приименный: посессивный (родительный).

Местный падеж, который органически входит в тюркскую систему, является в той же мере актантным, что и дательный и исходный. Но эти три падежа, являют собою «точку роста» особой подсистемы падежей – локальной. Во многих финно-угорских и кавказских языках она развита значительно более полно, чем ядерная подсистема актантных падежей. В тюркских языках эта подсистема падежей развития не получила. Но зато на базе этих же падежей здесь сформировалась система локальных послелогов, позволяющих очень детально описать и место положения предмета относительно других предметов и перемещение.

Кроме названных падежей, которые можно назвать общетюркскими, в отдельных тюркских языках сформировались некоторые «свои», выпали некоторые общие, а оставшиеся в рамках новой системы изменили свои функции. Так, например, в тувинском получили развитие направительные падежи – здесь две синонимичные формы, на =*ча* и на =*дыва* / =*дыве*. Родительный падеж, представленный в подавляющем большинстве падежных систем тюркских языков, в якутском утрачен, возможно, под влиянием эвенкийского. Нужно сказать, что системные отношения падежей здесь вообще существенно трансформированы (например, в эту систему входит особый сравнительный падеж; местный падеж (форма на =*да*) выступает здесь в партитивном значении).

Монгольская падежная система очень близка к тюркской и отличается от нее малозначительными деталями – например, отсутствием специального местного падежа, функции которого принимает на себя дательный. В бурятском есть особый совместный падеж, который противопоставлен творительному, выполняющему аналогичные функции в тюркской системе.

Тунгусо-маньчжурская система отклоняется от тюркского эталона более значительно – в основном за счет усиления подсистемы локальных падежей; родительный падеж здесь отсутствует, его функции ложатся на неопределенный (именительный) падеж, что, конечно, влечет за собой перестройку внутрисистемных отношений. В эвенкийском два винительных падежа: «общий», основной, и «винительный определенный», который используется гораздо реже; близки по значению и два «аблативных» падежа: исходный и отложительный. Общее число падежей в тунгусо-маньчжурских языках колеблется между 7 (в нанайском) и 13 (в эвенском).

Таким образом, мы видим, что падежные системы даже близкородственных языков могут различаться составом падежей и их общим количеством. Однако с типологической точки зрения количественные различия не имеют большого значения. На протяжении времени отдельные падежи могут выпадать, и тогда их функции распределяются между оставшимися падежами или передаются предложно-послеложно-падежными формами; другие падежи возникают, обычно на базе таких аналитических форм, принимая на себя их функции, а иногда и часть функций других падежей. Такие частичные перестройки системы могут не касаться общего типа падежной системы.

В то же время, сопоставляя падежные системы разных языков, мы убеждаемся, что они могут быть типологически разными, то есть различаться между собой не второстепенными деталями, а принципиально. Поэтому важно представить себе, в чем могут состоять те различия, которые должны быть признаны качественными.

Принципиальными представляются мне следующие различия между этими системами.

Во-первых, – соотношение приглагольных и приименных падежей. С этой точки зрения существенно, прежде всего, наличие в падежной системе данного языка посессивного падежа (генитива), а при его наличии – участие или неучастие этой формы также в выражении приглагольных, актантных

ролей, вообще – наличие у нее некоторых иных функций. Так, русский родительный падеж, как уже отмечалось выше, это не только форма субстантивного определения, но и форма актантов при определенных глаголах, а также форма существительного при определенных предлогах: *у ручья, без рукавов, кроме директора*; этим русский родительный качественно отличается от английской посессивной формы на *-s* (падежный статус который дискусионен).

С другой стороны, русские актантные падежи способны выступать и при именах, преимущественно отглагольных. Тюркским актантным падежам такое употребление менее свойственно – отчасти, видимо, потому, что здесь мало отглагольных имен: вместо них употребляются формы «имен действия» или причастий, сохраняющие глагольную природу.

Во-вторых, это соотношение актантной и локальной подсистем. Падежные системы различаются удельным весом каждой из этих подсистем и степенью их взаимного проникновения, то есть мерой участия актантных падежей в выражении пространственно-временных отношений и, наоборот, участия пространственно-временных (локальных) падежных форм в выражении актантных отношений.

В русской системе падежей доминирует актантная подсистема. Пространственно-временные отношения выражаются сейчас только с помощью падежно-предложных форм, хотя в древнерусском они выражались и собственно падежными формами локатива, датива и генитива (*сидеть Кыевь, иди ти Кыеву, бежать Кыева*; ср. современное уже не пространственное употребление – *избегать опасности*). Однако предложно-падежные русские формы обслуживают и актантные роли, т. е. в этом отношении данные подсистемы не противопоставлены.

Тюркская система отличается от русской в том отношении, что, во-первых, некоторые актантные падежи – дательный, исходный, – широко используются для выражения пространственно-временных отношений. Во-вторых, здесь есть специальный местный падеж. Этот падеж, по-видимому, исконно был чисто пространственным, свободным от выполнения актантных функций. Однако в последнее время в тюркских языках Сибири формы этого падежа начинают принимать на себя актантные функции. Например, местным падежом управляют предикаты с семантикой вины: алт. *Мен анда бурулу эмезим* ‘Я в этом не виноват’ и другие. Вероятно, такие употребления, метафорическая основа которых очевидна, развиваются не без русского влияния.

В тюркских языках, как и в монгольских, особых подсистем локальных падежей нет, хотя здесь и можно говорить о системных отношениях между локальными вариантами падежей. В этом отношении названные языки противостоят финно-угорским языкам европейского ареала, в частности, финскому и эстонскому. Здесь многочисленные локальные падежи образуют красивую подсистему, которая четко противопоставлена подсистеме актантных падежей. В основании этой подсистемы лежат два параметра: первый соответствует семантической оппозиции, которую можно представить тройкой местоименных наречий: *где (здесь) / куда (туда) / откуда (оттуда)*. Второй параметр отражает вертикальную организацию пространства по схеме «центр (начало отсчета): верх: низ». Соответственно, система состоит из 9 семантических позиций, которым соответствует в этих языках 9 падежных форм. В других языках локальные подсистемы могут иметь и меньше, и значительно больше позиций, и форм: наряду с вертикальной организацией может закрепляться в специальных формах и горизонтальная, и другие виды пространственной «устроенности» (сравним: *на столе / над столом / под столом / на стол / под стол / за столом / за стол / перед столом* и т.д.).

Третьим, и очень важным признаком, который необходимо учитывать, говоря о типологических характеристиках падежных систем в языках мира, является сам состав падежей, составляющих актантную подсистему. Под этим углом зрения далеко не все падежи равноценны. Наличие или отсутствие одних падежей относительно безразлично, малозначимо с этой точки зрения, тогда как наличие / отсутствие, а при наличии – характер некоторых других оказывается очень важным.

Первостепенное значение имеет факт наличия или отсутствия винительного падежа как падежа «прямого дополнения», при переходном глаголе, т.е. падежа прямого объекта или пациенса, – предмета или лица, который испытывает на себе действие агенса. И в русской, и в алтайской системах винительный падеж есть, и по значимости он является вторым после именительного (неопределенного) падежа – падежа подлежащего. Замечу попутно, что эта «вторая роль» может выражаться (и обычно выражается) не одной, а несколькими конкурирующими между собой формами. Но принципиальную важность имеет факт наличия специальных форм для выражения этой роли.

В языках палеоазиатских, – чукотском, корякском, ительменском, эскимосском, – винительного падежа нет. Прямой объект действия (пациенс) выражается здесь формами «первого» падежа (неопределенного или именительного), теми же, которыми выражается единственный актант в предложениях типа *Он заснул* или *Я ухожу*.

В обско-угорских языках, хантыйском и мансийском, ситуацию можно назвать промежуточной, хотя она ближе к палеоазиатской, чем к алтайской. Здесь винительный падеж как будто бы есть, однако он обслуживает только личные местоимения. Существительные же винительного падежа не имеют. Сходное положение и в самодийских языках.

Несколько меньшую значимость имеет наличие (или отсутствие) в падежной системе специальной формы эргативного или активного падежа. Так называют падежную форму, которая позволяет носителям языка разграничить две предметные роли, которые в языковом сознании носителей европейских и алтайских языков сближаются до неразличения. Особый эргативный (активный) падеж требует от говорящих осознания качественного своеобразия роли производителя активного действия, направленного на пациенс. Владение формами эргативного падежа требует осознания отличия такого деятеля от предмета или лица, пребывающего в некотором состоянии или в процессе «безобъектной активности», например, *спать, ходить*, или *вышивать, читать, косить, стирать* – в тех случаях, когда мыслится именно процесс, занятие субъекта. Такие процессы – состояния отличны от собственно действий, противостоят им. Например, в предложении *Эту скатерть вышивала моя тетушка* мыслится активное действие, направленное на определенный объект, на достижение определенного результата, тогда как в предложениях *Она хорошо вышивает* или *Папа читает* мыслится не действие, а только процесс, который может быть понят как занятие, как умение и др. Человеку, говорящему на европейских или алтайских языках, нужны специальные усилия, чтобы осознать различие «действия» и «процесса, занятия». Но если язык требует разного падежного оформления «первого актанта» в этих случаях, противопоставление становится очевидным.

О несколько меньшей типологической значимости наличия особого эргативного (активного) падежа по сравнению со значимостью отсутствия винительного падежа побуждает говорить следующее обстоятельство. Во многих языках функцию выражения этой грамматической роли, (в традиционной грамматической терминологии это роль подлежащего, или одного из двух подлежащих в эргативной конструкции), берет на себя один из падежей, традиционно относимых к косвенным. В одних языках это бывает дательный падеж, в других родительный; часто в этой роли выступает творительный.

### **3. Дифференциация управления по признакам «сила – слабость» и «облигаторность – факультативность»**

Тот факт, что связь между управляющим и управляемым словом в одних случаях ощущается нами как более, а в других – как менее сильная, не вызывает сомнения. Однако само понятие силы управления трудно поддается определению. К тому же оно настолько близко соприкасается с представлением об обязательности (облигаторности), в отличие от факультативности, а также, отчасти, с представлением об инвариантности в отличие от вариативности, что эти три характеристики трудно рассматривать порознь. Каждая из них приобретает смысл только в противопоставлении двум другим, без чего нельзя убедиться в самостоятельности этих характеристик.

Различение сильного и слабого управления можно считать широко признанным в современном синтаксисе. С этим вопросом связаны разные точки зрения на границы самого понятия управления. Некоторые лингвисты склонны выделять так называемое слабое управление в качестве особого типа подчинительной связи (называя его именным примыканием или тяготением). Другие не считают эту дифференциацию целесообразной, полагая, что признаки, сближающие эти разновидности связей, более существенны, нежели различающие их.

Не ставя задачей примкнуть к одной из этих позиций, попробуем рассмотреть, что представляет собою сильное управление, что такое слабое управление, как и насколько объективно можно провести между ними границу.

Понятие сильного управления относится, по-видимому, только к облигаторному, т. е. обязательному управлению. Обязательным принято называть такой вид управления, когда соответствующая валентность доминирующего слова обязательно требует замещения, ибо в противном случае не могло бы реализоваться значение, выражаемое данным словом или данным лексико-семантическим вариантом, например, *Ты съел морковку, которую дала тебе бабушка?* Само собой разумеется, эта формулировка предполагает самодостаточное, полное высказывание. В контексте или в живой ситуации, когда коммуникантам ясна предметная ориентация доминирующего слова, это требование снимается. Например, если собеседник указывает вам определенное место в газете и говорит: «Прочитайте, очень интересно!» – объектная валентность переходного глагола во фразе остается незамещенной, но направленность действия на четко определенный объект не вызывает сомнений. Поэтому можно считать, что в подобных случаях валентность реализуется не вербально, а предметно.

Словоформа, насыщающая такую обязательную валентность, как уже говорилось, называется актантами. Однако многие предикаты характеризуются несколькими валентностями, в том числе двумя



или тремя, а иногда и более из которых следует признать обязательными, поскольку значения этих предикатов раскрываются полностью только при наличии соответствующего набора актантов. Например, в предложении *Руководитель проекта указал чертежнице на ошибку в плане* все три актанта являются обязательными. Отсутствие любого из них означает семантическую неполноту фразы, выполняемую из конситуации, и если конситуация не дает необходимой подсказки, фраза остается непонятной, бессодержательной: *Руководитель указал*. Или: *Руководитель указал чертежнице*. Или: *Руководитель указал на ошибки*. Само действие «указал» не может мыслиться без этих трех предметных участников: *кто? кому? и на что?*

Каждый глагол, называя определенное действие, одновременно проецирует целую ситуацию, в которой это действие могло бы произойти. Каждая ситуация приобретает определенную структуру, которая определяется соотношением между признаком (процессом, состоянием, качеством, свойством) и предметами, которые имеют то или иное отношение к этому признаку и «задействованы» в ситуации.

Предложение, высказанное на каком-либо языке, представляет собою знаковое отражение ситуации. У него есть план выражения – грамматическая форма предложения, и план содержания. Знаковое содержание предложения называется пропозицией. Центр пропозиции – предикат, который управляет актантами. Каждый предикат «содержит в себе» потенциальные места предметных участников, без которых он не мог бы реализоваться.

Каждому из таких необходимых участников отводится в ситуации определенная роль, а стандартным ролям соответствуют определенные падежные или падежно-последовательные (падежно-последовательные) формы актантов. Например: *Передай брату мою записку*. Действие «передай» невозможно как без объекта, так и без адресата. Если имеется в виду не передача предмета, а пересказ слов, в роли объекта передачи может выступить предикативная единица: *Передай брату, что я задержусь*.

Хотя в этом предложении оба актанта обязательны и в обоих случаях управление признается сильным, это несколько не исключает того, что в одном случае управление проявляется сильнее, чем в другом. Однако эту разницу мы ощущаем интуитивно, и для того, чтобы проверить это и доказать, что это именно так, нужны какие-то объективные критерии; нужно сформулировать принцип, на который должна опираться эта оценка, а для этого нужно сформулировать общее понятие о силе управления.

По-видимому, под силой управления следует понимать тесноту связи между данным предикатом и данным объектом, измерить которую можно было бы, например, сравнив частоту употреблений данного предиката (в данном значении) с замещенной и с незамещенной позицией актанта. Однако эта операция не осуществима на практике не только в силу своей громоздкости, но еще более в силу того, что незамещенность позиции облигаторного актанта в тексте в качестве свидетельства очень неоднозначна: она может быть следствием как конситуационной определенности референта соответствующего актанта, так и реализации другого лексико-семантического варианта предиката.

Поскольку других объективных способов измерить силу управления, по-видимому, не найдено, постольку остается лишь один субъективно-оценочный путь, способ экспертных оценок, контролируемых друг друга. Но тогда возникает вопрос: какой смысл, или какую ценность имеет сама эта оценка? В каких случаях она важна, в каких не важна?

Ответить на этот вопрос, как мне кажется, нельзя, не рассмотрев две другие характеристики управления, облигаторность в ее противопоставленности факультативности и инвариантность в ее отношении к вариативности. Поэтому сейчас мы рассмотрим некоторую серию примеров управления, где связь компонентов сочетаний можно охарактеризовать разными «степенями силы», и попытаемся осмыслить их в свете двух других характеристик управления.

1. Предложение *За спасение утопающих дядю Степу наградили медалью*. Здесь предикат – глагол санкции, требующий четырех актантов: *кто наградил, кого, чем и за что*. Первый актант во фразе отсутствует, поскольку указание на него содержится в форме сказуемого (неопределенное лицо); второй актант, пациенс, выражен формой винительного падежа, третий – формой творительного падежа, четвертый – формой винительного падежа с предлогом *за*.

Предложение *Степу наградили медалью*, без третьего актанта, в современной русской речи можно признать правомерным, и не только тогда, когда говорящим точно известно, за что получена награда. Известно, что медали и ордена даются нередко безотносительно к конкретным заслугам, к какой-то дате, а премии – в качестве «сверхзарплаты». Поскольку причина санкции может оставаться неопределенной, размытой, – ср. например: *Ну, Володьку, наконец, посадили* (очевидно, что причин было достаточно), постольку само, управление этим актантом в определенных условиях оказывается необходимым. По-видимому, в таких случаях оно и воспринимается носителями языка как ослабленное по сравнению с другими случаями обязательного управления.

Не вызывает сомнения, что эта валентность глаголов санкции слабее, чем валентность творительного падежа: *Стену наградили за храбрость*. Вопрос «чем?» обязательно должен иметь ответ, чтобы предложение воспринималось как правильное. Но вопрос, является ли четвертая валентность глаголов санкции облигаторной, все-таки остается. Если облигаторность понимать просто, как «обязательность», то очевидно, что это требование здесь выполняется лишь отчасти: ведь его нельзя связать даже с определенными ЛСВ глаголов этой семантики. Складывается впечатление, что в этом случае критерии облигаторности и силы управления отождествляются и один из них становится лишним.

Стоит, однако, оговориться, что глаголы санкции могут выступать и в других семантических вариантах, с иной системой валентностей, ср. например: *Это ты наградил меня гриппом!*

2. Следующее предложение *Отец послал меня в магазин за спичками*.

Здесь предикат – глагол каузации целенаправленного движения, значение которого требует для своего раскрытия четырех актантов: *кто? кого? куда? и зачем?* Неравенство этих актантов с точки зрения притяжения к предикату очевидно: интуитивно мы чувствуем, что два первых актанта связаны с предикатом гораздо более сильно, чем два вторых. Но как показать и доказать это, как изъяснить, что именно мы утверждаем, говоря таким образом? Что стоит за этим ощущением?

Может быть, как силу управления мы ощущаем здесь семантическую специфику переходных глаголов по сравнению с непереходными? Или, может быть, дело в том, что этим двум валентностям отвечают актанты, представляющие лица, людей? В том, что наше языковое сознание антропоцентрично, и потому оно ранжирует предметных участников ситуаций определенным образом, по схеме: участники речевой ситуации – другие люди – животные – стихии – конкретные предметы – опредмеченные представления? Мне приходилось уже говорить о шкале такого типа в связи с предпочтением форм генитива формам неопределенного падежа в позиции подлежащего придаточных изъяснительных и определительных. Поэтому я допускаю, что эта иерархия может работать и в интуитивном ранжировании силы управления. Но, конечно, это предположение требует серьезной и сложной проверки.

Другой вопрос – как соотносятся между собой два слабых актанта, – с семантикой цели и с семантикой направления (цели) движения? Любой из них может быть опущен в речи и часто действительно опускается. Предложения: *Отец послал меня в магазин* и *Отец послал меня за спичками* в равной мере могут быть признаны правильными и полными, первое из них понимается «за покупками», второе – «куда-то, где можно достать (купить, взять, попросить) спички».

Эти два актанта было бы естественно признать слабоуправляемыми и факультативными, если бы семантика предиката сохранялась и в случае отсутствия их обоих. Но это как раз невозможно: один из них должен присутствовать или легко восстанавливаться из конситуации. Предложение типа *Его послал отец* вне контекста лишено заверщенного смысла. Здесь как будто бы суммируются силы двух валентностей, каждая из которых в отдельности слаба; но, будучи содержательно родственны, объединяясь на основе целевой семантики, они становятся эквивалентны одной валентности. Но как измерить ее относительную силу по сравнению с валентностями агенса и пациенса?

Вопросы, о которых идет речь, касаются не только русского языка, но и любого другого, в котором есть падежные и падежно-предложно-послеложные формы, хотя для каждого языка характерны и какие-то свои особенности. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые примеры из языков народов Сибири параллельно с их русскими переводами.

Алт. *Өлүмнөн жалтанбаган кижги качан да тирү артар* ‘Человек, не испугавшийся смерти, всегда останется живой (живым / жив)’.

Здесь два случая управления. В первом отрицательное причастие от глагола *жалтан* = ‘бояться, пугаться’ с семантикой отстранения от стимула негативной реакции управляет актантом в исходном падеже; по-русски здесь был бы родительный приглагольный. Это обычное управление, традиционно оцениваемое как «сильное». Однако глаголы этой семантики довольно часто употребляются без дополнения, приобретая в силу этого семантику эмоционального состояния (*я боюсь – мне жутко, страшно*).

Второй случай управления здесь – связь между финитным компонентом сказуемого (алт. *артар*, русск. *останется*), и именными компонентами, входящими в его состав (алт. *тирү* и русск. *жив / живой / живым*), которые равно допустимы в этой позиции. Поскольку этот именной компонент входит в состав сказуемого, его не называют актантом. Но синтаксическая связь между ним и связочным глаголом, несомненно, есть. В русском языке словоформы *живой / живым*, вероятно, следует признать сильно управляемыми, а форму *жив*, как и форму *тирү* – примыкающей.

Еще примеры: алт. *Канзан=a танкы сал!* ‘Положи в свою трубку табак!’ Здесь форма дательного падежа с семантикой направления при глаголе с семантикой направленного действия выступает в роли обязательного актанта. Ср. *Танкы сал!* ‘Положи табак!’

Алт. *Кандый кижиле таныш болгонынды мен көрөрим* (АА,УБТ,8) 'Я посмотрю, с какими людьми ты водишь знакомство (букв. ты знаком)'. Здесь форма творительного падежа (в русском переводе – в сочетании с предлогом совместности) выступает в роли обязательного актанта предикативного прилагательного *таныш* 'знакомый'; без него не может быть передано данное значение. Но форма творительного падежа гораздо более типична для актантов, облигаторный характер которых может вызвать большие сомнения.

Алт. *Потаптын уулы керегинде отрядта куучын жүрди* (АА,УБТ,9) 'В отряде шел разговор о сыне Потапа'. Здесь в роли управляющего предиката выступает существительное *куучын* (*jürp*=) 'разговор', а в роли управляемого компонента – сочетание определенной формы существительного (*уул=ы* 'сынего', с посессивным показателем 3 лица) с делиберативным послелогом *керегинде*, которому соответствует русский предлог *о*. Является ли в этом случае управление сильным, а актант облигаторным? Может ли значение слова *куучын* (или *разговор*) реализоваться относительно полно без указания темы? В текстах такое употребление встречается отнюдь нередко, например: *Я помню этот долгий ночной разговор; Разговор наш затянулся; После разговора с мастером Андрей долго не мог успокоиться* и т.п. Однако в данном случае предикатом, может быть, является сочетание *куучын жүрди* 'шел разговор' (формальный предикативный узел), что делает делиберативный актант более значимым. Однозначного ответа у меня нет, как нет и способа измерения силы притяжения актанта и предиката.

Алт. *Бала=га кабай керек эмей база* (АА,УБТ,9) 'Ребенку колыбель, конечно же нужна'. Здесь модальный предикат *керек* 'нужно' управляет актантом с косвенно-субъектным значением в форме дательного падежа.

Алт. *Мен=де уй да жок, ат та жок, кой до жок* (АА,УБТ,20) 'У меня ни коровы нет, ни лошади нет, ни овцы нет'. Здесь предикат отсутствия *жок* сильно управляет актантом с косвенно-субъектным значением, который представлен формой местного падежа. В русском языке, эта семантика выражается сочетанием существительного личного с предлогом *у*: *у меня, у Васи, у шофера* – в отличие от сочетания существительных пространственной семантики с пространственными предлогами: *в шкафу, на столе* и др. В алтайском эти функции противопоставлены менее четко: первая всегда выражается формами местного падежа, вторая – формой местного падежа, и разнообразными сочетаниями существительных с пространственным и послелогом (служебными именами).

Алт. *Эркеменде балдар жок* 'У Эркемена нет детей'; *Турада кем де жок* 'В доме никого нет'; *Столдын алдында көнөк жок* 'Под столом ведра нет.'

Примеры можно было бы продолжать сколько угодно. Но уже приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что сила и слабость – это понятия не только относительные, но и нечеткие. В той сфере, которая традиционно оценивается как сильное управление, обнаруживаются примеры разных степеней силы. К сожалению, примерно то же приходится сказать и относительно понятия обязательности, облигаторности, которое, оказывается практически невозможно отграничить от представления о сильном управлении в отличие от слабого.

Идея ранжирования облигаторных актантов по степени обязательности широко реализуется в современных работах по этому вопросу, в частности, в основополагающих работах Ю.Д. Апресяна [1967]. В этом отношении можно говорить о двух тенденциях.

Первая из них связана с приписыванием определенных рангов не столько конкретным актантам, конкретным глаголам, сколько ролям, которые выполняют актанты. Понятно, что с представлениями о ролях связана большая степень обобщения. К тому же роли легче увязываются с традиционными представлениями о членах предложения: подлежащем, прямом дополнении, косвенном дополнении, обстоятельстве. Эти синтаксические функции ранжированы уже в самой лингвистической традиции.

Первый ранг обычно «естественно» приписывается актанту, выступающему в синтаксической функции подлежащего; подлежащее – актант, необходимый для самого бытия предложения. Второй ранг отводится прямому дополнению (роли объекта, пациенса); этот актант строго необходим при любом переходном глаголе или ЛСВ многозначного глагола. Третий ранг приписывается дополнению адресата и другим облигаторным косвенным дополнениям. Факультативным участникам ситуации может быть приписан четвертый ранг. Однако формы, которые попадают в этот разряд, еще очень неоднородны. Среди них находятся и такие, которые больше соответствуют представлению о сирконстантах, и такие, которые остаются актантами. Само различие между этими типами ролей (и соответственно между синтаксическими функциями форм, играющих эти роли в конкретных предложениях) оказывается связано с новыми признаками, характеристиками, которые должны, таким образом, втягиваться в анализ.

Слабоуправляемыми представляются, например, следующие формы: *Учитель разговаривал с Павлушей перед кабинетом заведующей; Я вышла из дома без зонтика; В театр они отправились на такси.*

В этих случаях форма *перед кабинетом* уточняет место события, но не само событие; глагол *разговаривать* не имеет локальной валентности. Точно так же глаголы движения не имеют валентностей с *чем?* или *без чего?*; *на такси* – форма, развертывающая, обогащающая представление о ситуации, но она не является необходимой для того, чтобы семантика глагола *отправились*, могла реализоваться. Это, однако, не исключает возможности сосредоточения внимания именно на этом участнике ситуации, который может стать выразителем темы.

Рассмотрим алтайские примеры слабого управления:

*Строй=ло ажанып барарын, строй=ло ишке барарын* (АА,УБТ,6) ‘Строим пойдешь обедать, строим пойдешь на работу’. Здесь как раз компонент *стройло* ‘строим’ (где *=ло* – показатель творительного падежа) передает именно то содержание, ради которого произносится фраза.

*Ол јелбер кабагы=нын алды=нан мени кӧрди* ‘Он посмотрел на меня из-под своих лохматых бровей’; *Је ѓлӧн кижии=ле кожо ѓлӧр бӧ?* (АА,УБТ,30) ‘Но разве умирают вместе с умершим человеком?’; *Оны ак-чек јӱрӱми учун, јобош кылык-јангы ла тӧп санаазы учун колхозчылар сӱӱитен* (АА,УБТ,30) ‘За его честную жизнь, за его мягкий нрав, за мудрые мысли колхозники его любили’; *Онын койлоры=нан эки јылдын туркунына бир де кой ѓлбӧгӧн* (АА,УБТ,31) ‘Из его овец в течение двух лет ни одна не погибла’.

Второй подход определяется тем, что каждый предикат, и в первую очередь каждый глагол, имеет свою систему валентностей, которая характеризуется своей иерархией. Эта иерархия может существенно уклоняться от той схемы соотношений, которая принимается за образец. Так, например, исследователями управления в разных языках неоднократно отмечалось, что у глаголов передачи (*давать*, *дарить*, *продавать* и др.) адресатный актант имеет более высокий ранг, т.е. является более обязательным, более необходимым, чем объектный, выраженный прямым дополнением.

Сейчас мне хотелось бы обратить внимание не только на различие в степени притяжения между предикатом и разными его актантами, т.е. не только на количественную характеристику величины, называемой «силой управления», но и на то, что само качество этой зависимости может быть разным.

Сказанное относится, прежде всего, к отношениям между «первым актанта» и всеми остальными, «не первыми» – во всяком случае, в языках европейских и алтайских. Подлежащая валентность не просто «сильнее» прямообъектной или адресатной валентности. Она отличается от них качественно. Во-первых, она характеризуется гораздо большей «всеобщностью», безразличием по отношению к индивидуальной специфике предикатов и описываемых с их помощью ситуаций. Характер представления о ситуации зависит от «первого актанта» гораздо меньше, чем от второго и третьего. Со всем не случайно, что схему ситуации с полным успехом можно строить на базе инфинитива, который ни в русском, ни в других языках подлежащей валентности не имеет. Именно потому, что индивидуальность ситуации (и важнейшие параметры действия) определяются помимо подлежащего: на субъект может проецироваться, с ним соотноситься, ему предцироваться представление, в общих, существенных чертах уже «готовое» до этого соотнесения.

Подтверждением сказанного является и то, что в случаях, когда за первым актанта стоит лицо, лексическое выражение этого актанта оказывается не необходимым, – вполне достаточно того, что на него указывают личные показатели глагола.

Однако в тех случаях, когда подлежащее имеет предметный, а не личный характер, его значимость с точки зрения структуры ситуации (пропозиции) повышается. Сравним, с одной стороны: *Я (ты, он, наш знакомый, закрыщик и т.д.) вышел на улицу; Долго не мог заснуть; Хочет купить машину; Передал сыну заработанные деньги* и т.д. С другой стороны: *Дом совсем развалился; Яблоки еще не созрели; Рожь колосится; Шерстяная кофточка сильно полиняла; Вода перелилась через край ванны и затопила соседей; Это лекарство содержит соли калия; В ковре накопилось много пыли* и т.д. Очевидно, что в примерах последней группы представление о предмете, названном подлежащим, необходимо для формирования пропозиции, в то время как в примерах первой группы пропозиция оказывается сформированной «до» включения в нее «первого актанта» и безотносительно к его конкретному содержанию. На уровне категориального представления о лице этот участник выражен формой глагольного предиката, и для формирования пропозиции этого вполне достаточно.

В этом, как мне представляется, состоит очень важное отличие «первого актанта» от всех остальных участников пропозиций. Для фраз личного характера потребность в подлежащем имеет по преимуществу грамматический, а не семантический характер, тогда как все остальные актанта (включая и «первый», если он предметный) участвуют в выражении семантической структуры предложения.

Потребность в актанта-дополнении, в свою очередь, может быть обусловлена разными обстоятельствами. Она может определяться как самой семантикой глагола, потребностью раскрытия харак-

тера действия, так и некоторыми внешними обстоятельствами. С этой точки зрения хотелось бы остановиться на двух типах актантов, – орудийном и адресатном.

Роль орудийного актанта потенциально включена в каждую ситуацию, связанную с физическим оперированием объектом: сама идея физического действия над объектом необходимо предполагает средство. Однако во всех языках есть немало таких глаголов, в семантике которых заключена «скрытая сема» типичного (реже – единственно возможного) орудия, без помощи которого это действие не может быть совершено.

Включаться может, по-видимому, не только орудие, – ср., например, включение объекта: *косить – траву, сено; рубить – дрова, дерево*. Но чаще всего «включается» все же орудие, т. е. то, с помощью чего достигается данный эффект. Например, глагол *смотреть* органически включает представление о глазах, *слышать* – уши; *думать* – голову, мозг; *кивать* – голову. Включенность орудия в этих случаях настолько сильна, что его упоминание выходит за рамки нормы, если оно не получает оправдания в каких-то специальных указаниях (напр., *видеть своими глазами, думать собственной головой* и т.п.). Но сема типичного (или привычного) орудия присутствует и во многих других глаголах: *мыться* – предполагает воду и мыло; *вышивать* – иглу и нитки; *вытирать* – тряпку, полотенце, ткань; *резать* – нож, ножницы.

В роли зависимого, управляемого слова могут выступать не только существительные, но и слова других грамматических типов. Это могут быть прилагательные, числительные, местоимения, причастия в «абсолютном употреблении» (без определяемых ими существительных) которые в этом случае субстантивируются. Например:

Тув.: *ийи=ге ийи=ни көвүдөдир* ‘два умножить на два’; *чеди-ден дөрт=ту казыыр* ‘от семи отнять четыре’; *чараж=ын=га шай хайындырып ижер эвес* ‘не сварить же чай в ее красоте’; (*эки*) *өөренгеннери=ни шаңнаар* ‘награждать тех, кто (хорошо) учится’.

Это могут быть также номинализированные формы предикативных единиц. Например, тув.: *чедип келгениң=ге өөрүп тур мен* ‘я рад тому, что ты пришел (твоему приходу)’; *кирип алган=ың=га амырап тур мен* ‘я доволен тем (букв. тому), что ты поступила (твоему поступлению)’.

Управление, исходящее от имен, – существительных, прилагательных, числительных, – встречается реже. Оно предполагает у этих имен не предметные, вещественные значения, а абстрактные, «предикатные». Способность управлять, свойственна отглагольным именам, наследующим ее от глаголов.

Например: *обучение – чему?*; *расставание, разлука, встреча – с кем?*; *страх – перед чем?*, *страх – чего?*; *зависть, ревность, злость, любовь, ненависть – (к) кому?*

Глагольно-именное управление, в свою очередь, представлено значительным числом вариантов. Это обусловлено, с одной стороны, конкретной семантикой, природой управляющих слов, отдельных глаголов или целых лексико-семантических групп: какое «предметное окружение» необходимо для реализации заключенного в них значения? Какие роли в маленькой «драме предложения» обязательно должны быть сыграны, какие можно опустить или заменить несколькими другими? С другой стороны, здесь существенны и особенности устройства падежной системы имени существительного в каждом данном языке и дополняющих ее предложных или послеложных ресурсов. Например, если в системе есть синонимичные падежи (падежные формы), они могут заменять друг друга; если какие-то важные роли не получают выражения в падежных формах, они получают выражение в падежно-послеложных или падежно-предложных, или просто в послеложных формах имен существительных.

Таким образом, основной тип управления – глагольно-именное, которое представлено падежным, падежно-послеложным и послеложно-внепадежным видами; они же характерны и для управления именами со стороны других имен.

Глагольно-именное управление может быть: 1) сильным или слабым; 2) обязательным или не обязательным; 3) предсказующим или непредсказующим.

Сильным, называется управление, направленное на предметные позиции и отвечающие тем валентностям глагола, которые формируют основной контур представления о ситуации. Именно эти позиции управляемых форм отображаются в моделях предложения.

Слабым, соответственно, должно называться управление внемоделными, факультативными формами.

Обязательным управление называется в том случае, если главное слово (глагол) без зависимого, не раскрывает своего подлинного смысла. Например, если данное действие не может произойти, его нельзя даже представить себе, если не представлять, не знать предметного участника, обозначаемого управляемой формой: нельзя резать при отсутствии объекта, брать что-то при отсутствии источника, места, откуда это берется и т.д.

По сути дела, термины обязательное и сильное управление очень близки, у них нет четкого основания противопоставления. Но если у глагола несколько обязательных валентностей, то можно гово-

речь о разных степенях силы управления; самые «нижние» ступени будут соответствовать понятию слабого управления. Так, например, управление позицией дательного падежа у глаголов движения более сильное, чем позицией исходного падежа, а у глаголов перемещения обе эти позиции слабее, чем позиция прямого дополнения (роль перемещаемого объекта).

Соответственно, при необязательном управлении данный участник ситуации, или пространственно-временное, целевое и т.п. указания лишь дополняют и конкретизируют ситуацию, контур которой уже обрисован. Например: тув. *Кокайлар ол-бо хаялар=дан улужуп турза-даа, өдөктө каи малга дегбейн турганнар* 'Волки выли из-за разных скал (со скал?), но малочисленную скотину во дворе не трогали'.

Предсказующее управление обычно бывает одновременно сильным, обязательным управлением, но может быть и не очень сильным, и не очень обязательным. Предсказующим управление называется в том случае, если управляющее слово сочетается только со строго определенной формой имени, т.е. данная его валентность требует одной строго определенной формы.

Например, глаголы *бер*= 'дать' и *үрөт*= 'учить' имеют по две обязательные валентности: валентность прямого дополнения и валентность косвенного дополнения в дательном падеже; косвенному дополнению при глаголе *бер*= соответствует роль получателя того предмета (или информации), который назван прямым дополнением; при глаголе *үрөт*= прямому дополнению соответствует роль субъекта обучения, того лица, которое будет учиться (*үрөн*=), а дополнению в дательном падеже соответствует роль «предмета обучения» (чему учить?). Например: алт. *Улус=ты жуулажар=ын=a үред=етен ле эмдик аттар=ды жобожыда үред=етен=ин башикарары Айбу=га ла Карчага=га бер=ил=ген* (ИШ,КJ,98) 'Айбу и Карчага было дано возглавить обучение людей военному делу и укрощению диких лошадей'.

При этом управление дательным падежом является предсказующим, а управление винительным падежом – непредсказующим.

Необязательным (слабым) является и такое управление, когда соответствующий участник ситуации необходим, но он может оставаться неназванным и, как правило, остается неназванным в силу того, что он как бы включен в семантику самого глагола. Яркий пример этого – управление глаголов физического действия позицией орудия. Как правило, эта позиция не замещается, управление не реализуется, если орудие тривиально: действие *кес*= 'резать' невозможно без орудия типа ножа, но представление о ноже (или чем-то подобном) уже включено в глагол. Это управление реализуется только в тех случаях, когда нужно актуализовать представление об орудии – например, если нож тупой, или ножа нет и приходится его заменять, допустим, ножницами, финкой и т.п.

Слабым является и управление, исходящее от глагола *бер*= в качестве вспомогательного, когда валентности дательного падежа соответствует не адресат речи и не получатель «давания», а бенефициант, в пользу которого направлено действие. Например: *Менин кызыма платье көктөп бер* 'Сшей платье (для) моей дочери'.

Предсказующим, т.е. стабильным, может быть и необязательное управление, если определенной факультативной функции (роли) соответствует определенная форма дополнения. Например, роли орудия, хотя сама эта позиция, как уже было сказано, вовсе не всегда, не обязательно актуализируется в предложениях, четко соответствует форма творительного падежа, который потому и называется орудным, инструментальным и творительным. Факультативной роли бенефицианта соответствует форма дательного падежа. Роли эталона сравнения по степени признака, не входящей в структуру модели предложения, соответствует форма исходного падежа; предсказующим является также управление, исходящее от послелогов. Например, алт. *озо* 'раньше, до', *бери* 'начиная с, от', *өскө* 'кроме' – форма исходного падежа. Например: *Акам ме=нен узун* 'Брат выше меня'; *Захаров бойынын яблоколоры=нан, помидоры=нан, онон акча=дан өскө нени сүүп жат, а?!* 'Захаров кроме своих яблок, помидор, еще денег другое что-то любит, а?' Ср. также роль объекта избегания, также требующую исходного падежа:

– *А не=ден коркор? Кара жангыскан жадары=нан коркыгай ... Айулар=дан коркыгай* (БУ,Т,50) 'А чего бояться? Того, что совершенно одному жить... Медведей бояться'; *А канайып бүдет – көс=лө көргөн кижиге бар эмес* (БУ,Т,189) 'Как поверят – (своими) глазами никто не видел ведь (видевшего человека нет)'; *Артур бу мајалайды айла тонгырак бычак=ла өлтүргөн дежет ине?* (БУ,Т,189) 'Артур этого медведя ведь перочинным ножом убил, говорят'.

Управление бывает непредсказующим, если управляющее слово допускает при себе разные формы зависимого слова, отвечающие одной и той же валентности.

Так, для раскрытия семантики многих глаголов движения необходимы ориентиры, указывающие характер и направление движения; однако эти глаголы не предсказывают, какие именно формы займут эти позиции: например, направление «куда?» может быть выражено и дательным, и направитель-

ным падежами, и формами неопределенного падежа в сочетании с послелогоми или служебными именами. Эту позицию может занимать и наречие.

Алт. *Мени ол јаратка кемегер=ле кечирип салзагар* (БУ,Т,42) ‘Меня на тот берег на своей лодке перевезите, пожалуйста’; *Кузьма Захарович үйи=ле кожо айлы јаар басты* (БУ,Т,41) ‘Кузьма Захарович вместе с женой пошел в сторону дома.’ Вариативным является также управление, исходящее от глаголов местонахождения и бытия, которые требуют либо местного, либо дательного падежа – в зависимости от разных причин.

#### 4. Типы управления по наличию-отсутствию и характеру опосредующего компонента

По названному параметру различаются прямое и не прямое, или коннекционное управление.

Прямое управление непосредственно связывает управляющую и управляемую формы, без участия каких-либо служебных слов, в частности, предлогов или послелогов, служебных имен. Например, русск. *Дети обрадовались возвращению родителей; Кому он нужен, этот Васька?; Твоим топори-ком этого дерева нам не срубить; Я хочу добавить несколько слов; Можно ли мне уйти?; Ребята начали кричать и стучать палками* и др.

Алт. *Сен комсомолго кирген бе? ‘Что, ты вступил в комсомол?’; Ол су-алтай тилле айтты ‘Он сказал на чистом алтайском языке’; Сагалым Захаровтын сагалынан кичинек болбос эди ‘Моя борода была бы не короче бороды Захарова’; Тёлсөв кангазын оозынан тура алып... ‘Телесов, вынув трубку изо рта...’; Је Анчы Мергенов бойы райкомго бир де комудал бичибеген* (АА,УБТ,30) ‘Но Анчы Мергенов сам ни одной жалобы в райком не писал’.

Непрямое управление осуществляется через посредство служебных слов. Опосредованное управление, осуществляемое с помощью служебных слов, представляет собою особую разновидность синтаксической связи, которая лишь с определенной натяжкой укладывается в рамки понятия управления. Поскольку служебное слово неизбежно оказывается третьим компонентом сочетания, эта «тройственная связь» включает в себе много вариативных возможностей, которых непосредственное управление лишено.

В.Я. Плоткин для обозначения связи слов, осуществляемой с помощью служебных слов, предлагает термин коннекция [1989]. Это целесообразно, поскольку такая связь обладает рядом особенностей по сравнению с прямыми связями. Однако этот термин предполагает не только не прямое управление, но также и ряд других связей, существенно от него отличных; в нашем случае представляется удобным говорить не о коннекции, а только о коннекционном управлении.

Коннекционное управление – связь значительно более сложная, нежели прямое. С увеличением числа компонентов, связанных определенным образом, растет и количество разных способов их возможного соединения, в частности, возможностей выразить зависимость управляемого слова от управляющего. Ниже мы рассмотрим разные варианты глагольно-именного коннекционного управления, представленные в разных языках, начиная с русского как наиболее широко известного, а затем обратимся к другим вариантам этой связи.

Русское предложно-падежное управление именами существительными характеризуется тем, что предлог – неизменяемый функтив, не способный как-либо менять свою форму; зато вводимое с его помощью существительное имеет форму определенного, задаваемого предлогом косвенного падежа. При этом одни предлоги всегда сочетаются с одним падежом, можно, вероятно, сказать, что они требуют этого падежа, имеют соответствующую валентность. Например: *посидим у колодца, возле пруда, перед домом, над обрывом; ссора из-за пустяка, шляпа с пером или без пера, разговор о домашних делах / про домашние дела, относительно ремонта; красный от напряжения, мокрый после дождя* и др. В этих случаях никакой другой падеж после данного предлога невозможен.

Другие предлоги в разных своих функциональных (лексико-семантических) вариантах управляют разными падежами. Например: *Учитель похвалил меня за усердие* (вин. п.); *Дети спрятались за куст / за кустом* (вин. п. или тв. п.); *приходи в клуб* (вин. п.) – *встретимся в клубе* (предл. п.); *сходи по воду* (вин. п.) – *не ходи по воде* (дат. п.) и др.

Яркая особенность русского коннекционного управления состоит в неспособности русских предлогов сочетаться с формой именительного падежа. Это обстоятельство делает сложной, неоднозначной оценку синтаксического характера «тройственного сочетания», например, (*заплатить*) *за покупку*: содержательная интенция управления исходит от знаменательного слова, здесь – от глагола, который требует формы *за* + вин. п. Будучи изменяемым, предлог может лишь примыкать к глаголу; отношения управления формально устанавливаются между предлогом *за* и падежной формой существительного. Напомню, что В.В. Виноградов говорил о двойственной природе этих русских служебных слов, которые в равной мере могут оцениваться и как предсубстантивные, и как постглагольные.

Общую формулу русского коннективного управления можно записать так:

(L + предлог) + N<sub>j</sub>, где L – лексема любого класса, j – символ любого косвенного падежа.

В английском и французском языках предложное управление отличается от русского тем, что эта связь здесь имеет чисто коннекционный характер. В силу неизменности самих именных лексем, они не могут принимать падежные показатели – их заменяет предлог. Поэтому вся функциональная нагрузка, которая в русском распределяется между предлогом и падежом, здесь целиком падает на предлог.

Формулу управления этого типа представим формулой: L + предлог + N.

Следует, однако, заметить, что и в современном русском языке в большинстве случаев падежная форма, связанная с тем или иным предлогом, слабо семантизирована, а тем самым и слабо мотивирована. Так, винительный падеж с предлогами *в, за, на, под* имеет мало общего (почти ничего) с винительным прямого дополнения; родительный с предлогами *у, возле, около* и др. очень далек от родительного как приименного, так и прилагольного.

А так называемый предложный падеж, если исключить местный функциональный вариант с пространственно-временными предлогами, оказывается, вообще лишен собственной падежной семантики и в этом качестве сближается с внепадежными формами английского и французского языков – а также и с формой неопределенного падежа в сочетаниях с послелогом в урало-алтайских языках.

Коннекционное управление в алтайских языках существенно отличается от того, что мы видим в языках европейских.

Здесь оно представлено несколькими разновидностями, которые мы и рассмотрим ниже.

А. Первая разновидность представлена сочетаниями управляемой именной формы с показателем определенного падежа и послелога, уточняющего те отношения, которые выражаются данным падежом без предлога, или, по крайней мере, передающие близкие падежным значениям, родственные им оттенки смысла. Источником, который требует реализации единого значения, выраженного падежом и послелогом, является глагол, реже существительное, замыкающее собою эту цепочку.

Алтайские примеры этого типа:

*Улус бой-бойыла тенегинен, неме билезинен улам öйтöжип жат ине* (АА,УБТ,4) ‘Люди ведь враждуют друг с другом из-за своей глупости, из-за того, что ничего не знают.’ Причинный послелог *улам* относится одновременно к обеим формам исходного падежа. Выражаемое этим способом причинное значение исторически передавалось самой формой исходного падежа, которая изредка и сейчас используется в этой функции. Исходный падеж в тюркских языках широко использовался для выражения следования во времени, а эта семантика, как известно, регулярно выступает в качестве базы формирования каузальной семантики.

Временная семантика исходного падежа как начала отсчета временной дистанции между двумя событиями очевидна как подоснова коннекционного управления через алтайские послелоги *бери, ала, озо*, а также хакасские *сыгара*, тувинские *бээр* и др. Например: алт. *Адазы жууга атанган кун=нен ала суру-чап жок жылыып калган* (АА,УБТ, 62) ‘Отец его пропал без вести с того дня, как ушел на войну’; *Бу керек жуу=дан озо болгон эди* ‘Это дело было ещё до войны’.

Сравн. сохранение базовой семантики винительного падежа в сочетаниях типа алт. *Жолды кечире ары-бери мантагылап турды* ‘Он туда-сюда перепрыгивал через дорогу’ (ср. *перепрыгивать дорогу*); форма дательного падежа, которая сочетается с послелогом *жетире*, сохраняет свое направительное значение, которое приобретает дополнительную семантику достигаемости, предельности: *Кечеги кун=ге жетире ол городко барбазым деп сананды* ‘До вчерашнего дня он думал, что не поедет в город’ (в этой же фразе *город=ко* – форма дательного падежа с семантикой направления, но без семы предельности; ср. *город=ко жетире* ‘до города’).

Еще пример: *Иван Петрович сурекей кемзинчен, joboш кижги болгонынан улам ба, айса кандый бир шылтак=тан улам, же одус жети јашка жетире кижги албаган* (АА,УБТ, 106) ‘Иван Петрович, потому ли, что был человеком очень стеснительным, робким, или ещё по какой причине, но до 37 лет не женился’.

Б. Вторая разновидность представлена сочетаниями собственно-послелогов, т.е. служебных слов, не имеющих ни форм словоизменения, ни вычленяемых, осознаваемых носителями языка «остаточных» показателей падежей, с внепадежными формами имен существительных, местоимений или номинализованных форм глаголов.

По понятным причинам эти формы, оцениваемые нами как внепадежные, традиционно оцениваются как формы неопределенного падежа, который называют также основным, мотивируя этот термин как «падеж основы». Но падежную форму может принимать только слово, а не основа; к основе могут присоединяться падежные аффиксы – или не присоединяться. Форма основного падежа, материально совпадающая с основой, выступает в самостоятельных синтаксических позициях: это форма подлежащего в простом предложении и в определенных типах придаточных, форма именного компонента сказуемого, а нередко и прямого дополнения. Но она не выступает в роли определения (напр.,



*таш тура* ‘каменный дом’, букв. камень-дом) и в позиции перед послелогом. Здесь мы имеем дело не с «основным падежом», а с самой основой; сочетания, в которые она входит, типологически близки к сложным, а точнее – к аналитическим словам, композитам, между частями которых неправомерно говорить о синтаксической связи.

В отличие от первой разновидности, в данном случае вся грамматическая нагрузка, связанная с выражением содержательного отношения между предикатом и зависимым компонентом сочетания: причинного, целевого, ограничительного, заместительного, временного и т.д. целиком ложится на послелог. Субстантивная форма только называет предмет, который должен быть поставлен в определенное отношение к предикату (выраженному глаголом или именем; предикат не обязательно является сказуемым в предложении).

Таким образом, между доминирующим словом (предикатом) и послелогом имеет место синтаксическая связь примыкание, а между послелогом и полнозначительной именной формой, представляющей предметного участника ситуации – связь «коннекционное управление» английского типа. Мне кажется, что здесь следует говорить об управлении, потому что внепадежная форма системно противопоставлена всем падежным, и от или иной послелог «выбирает» себе в качестве партнера либо ту или иную из падежных форм, и тогда это «вариант А», либо внепадежную форму, и тогда это «вариант Б».

Говорить в этом случае об управлении побуждает меня и другой мотив. Дело в том, что послелог в составе сочетаний данного типа, следуя за формой основы, выполняет функцию, родственную функциям падежных аффиксов, как бы компенсируя недостаточную полноту собственно-падежной системы. В алтайских языках совсем не редки случаи перехода подобных послелогов в падежные аффиксы. Яркий пример этому – тюркский творительный падеж, в ряде языков сложившийся совсем недавно или даже только складывающийся. На базе послелога *биле* в алтайском сложилась форма типа *кижи=ле* «с человеком» и др.; алтайские послелог *јаар*, *дöөн* / *тöөн* падежными аффиксами не признаются, но функционально совершенно тождественны показателям пространственных падежей (направительного).

Конечно, разные послелог этой группы имеют неодинаковые шансы стать падежными аффиксами. Но все они играют роль показателей «дистанционного управления», выражая определенное отношение между предикатом и именем. Это дает основание считать сочетания [N + послелог] целостными формами, в составе которых послелог приравнивается к словоизменительному аффиксу на правах показателя подчинения.

Приведу примеры коннекционного управления этого типа.

Алт. *Никодим Сары-Кобы јаар уулап...* ‘Никодим, указав в сторону Сары-Кобы...’; *Ада-Төрөл учун Улу жуу* ‘Великая война за родину (Великая Отечественная война)’; *Бу бичик үч кўнге жүрүм учун öтүмле тартыжарга болушты* ‘Эта книга три дня помогала бороться за жизнь со смертью’.

*Примечание.* У алтайского послелога *учун* наблюдается сейчас интересная тенденция функционально-семантического развития, заслуживающая специального внимания с точки зрения типологии управления и границ этого понятия. Этот общетюркский послелог управляет в алтайском именами, предикативными единицами, выражающие причину события, названного управляющим предикатом. Когда зависимый компонент – предикативная единица, происходит формально-грамматическое расщепление этой формы на два взаимно противопоставленных варианта: один из них лично-посессивного оформления зависимого сказуемого, другой – с таким оформлением. Очень существенно, что эти варианты противопоставлены и семантически: первый из них используется при предикатах санкции, т. е. выражает более специфическое отношение, второй (без посессивного оформления) выражает значение обычной причины.

Говорить о том, что послелог, а через него и глагол, управляет не той или иной падежной формой или внепадежной, которая системно противопоставлена падежным формам, а формой, которая характеризуется лишь лично-посессивными показателями, то есть признавать эти аффиксы выразителями управления, явно не традиционно. Однако как же иначе можно оценить, осмыслить эту формальную связь?

Нами не отмечены другие случаи такого рода в алтайских языках Сибири, но, может быть, заслуживает внимания тот факт, что делиберативные послелог в том же алтайском языке, *керегинде*, *янынан*, сочетаясь с предикативными единицами, неизменно требуют от их сказуемых лично-посессивного оформления.

В. Третья разновидность коннекционного управления представлена сочетаниями доминирующих предикатов с так называемыми служебными именами. Так называют в тюркологии имена с обобщенной, преимущественно пространственной семантикой, типа *верх*, *низ*, *бок*, *север*, *юг*, а также *причина*, *сторона*, *дело*; эти имена выступают в посессивном оформлении, указывающем, по отношению к ко-

му или чему оценивается положение или направление движение референта зависимого знаменательного компонента, и в определенной падежной форме, которая показывает сам характер пространственного, реже – какого-то иного отношения. Например, алт. *алд=ын=да* – служебное имя с основой *алд*= ‘перед, передняя сторона’ с посессивным показателем 3 лица и с аффиксом местного падежа: букв. ‘перед + его в’, т.е. ‘впереди него’.

Общую формулу сочетания предиката с управляемым компонентом через служебное имя можно представить формулой:  $N(1/2) + Tn//j + L$ .

В этой формуле *L* – доминирующий предикат, именной или глагольный. *Tn* – символ именной основ, *//* – символ посессивного показателя, *j* – символ некоторого из падежей, доступных служебным именам (как именам неполного изменения); Символ  $N(1/2)$  подразумевает «конечный объект» управления, исходящего от *L*, зависимое знаменательное существительное или его функциональный эквивалент. Местоимения всегда, а существительные обычно выступают этой позиции в форме родительного падежа, если, конечно, он есть в системе данного языка; сказуемые зависимых номинализованных предикативных единиц чаще сохраняют безаффиксальную форму, которую приравнивают обычно к неопределенному падежу (хотя правильнее, видимо, считать ее внепадежной).

Конструкции такого типа в тюркологии называются термином *изафет*, причем различаются «третий *изафет*» – с родительным падежом знаменательного имени и «второй *изафет*» – с неопределенным падежом. В тунгусо-маньчжуристике принят термин «отражение», которым нередко пользуются и специалисты, работающие с другими языками.

*Изафет* не является разновидностью управления, поскольку это связь двусторонняя: первый член *изафета* принимает определенную падежную форму (1 и 2) и не может стоять ни в какой другой, а второй член принимает посессивный показатель, указывающий на грамматическое лицо первого. Например: *Менинг тура=м* ‘Мой дом=мой’; (*менинг*) *алд=ым=да* ‘передо мной’; *энем=нинг тура=зы* ‘матери моей дом+её’, сравним: *эне=м=нинг алд=ын=да* ‘перед моей матерью’ (букв. матери=моей в +переди=неё).

Падежные формы существительного не выражают отношения данного предметного представления к управляющей знаменательной лексеме, но только к служебному имени. Само служебное имя в отношении к слову *L* является управляемой формой, но это управление оставалось бы пустым, чисто формальным, если бы доминация не передавалась через служебное имя на первый знаменательный компонент. Поэтому я считаю возможным и в этом случае говорить о коннекционном управлении.

При всем своеобразии коннекционного управления по сравнению с прямым управлением эти типы синтаксических связей, как мне представляется, должны рассматриваться в едином комплексе. Как бы ни разводили их внешние, формальные признаки, все-таки эти характеристики принадлежат «анатомии языка». Первостепенными же по значимости мне представляются соотношения функциональные, то, что можно назвать содержательной стороной синтаксиса, на каком бы уровне абстракции это синтаксическое содержание ни рассматривалось.

Приведем примеры из алтайского языка, стараясь показать возможности падежного варьирования как служебного, так и знаменательного имен.

*Кырлар=дын орто=зын=да* (3 л., мест.п.) *кичинек город турган* ‘Среди гор стоял маленький город’; *Улус=тын ұст=и=ле* (3 л., тв.п.) *чанкыр ыш тартылат* (АА,УБТ,45) ‘Над людьми тянется голубой дым’; *Улус узак ой=динг туркун=ын=а* (3 л., дат.п.) *унчугушпай жүрди* ‘Люди в течение долгого времени молчали’; *Аймакисполком=нын председател=и колхозчылар=дын алдын=а ўни тудунганча эки каттап куучын айткан* (АА,УБТ,47) ‘Председатель райисполкома перед колхозниками, напрягая голос, дважды говорил речь’; *Столго отурып, уйукта=ар=дын алдында* (3 л., мест.п.) *тойо чайлап алды* (АА,УБТ,56) ‘Сев за стол, перед тем как спать, досыта начаевничался’; *Туралар=дын жан=ын=да* (3 л., мест.п.) *эки-жангыс агаши өзүп жат* ‘Возле домов одно-два дерева растет’; *Ак плады=нанг* (3 л., исх.п.) *койу кара чачы чыгып келген* ‘Из-под белого платка выбились ее густые черные волосы’.

Как видно из приведенных примеров, в сфере коннекционного управления этого типа именам существительным в алтайском языке, безусловно, соответствует схема 3-го *изафета*; зависимым предикатам полипредикативных конструкций более соответствует схема 2-го *изафета*, хотя возможны и исключения. Вообще следует обратить внимание на то, что служебные имена в сфере полипредикативного предложения, как одно из средств выражения связи между предикативными частями, ведут себя в ряде отношений иначе, чем в простом. Существенно ограничивается их способность варьировать падежное оформление в соответствии с семантикой выражаемого отношения; меняется и функция посессивного оформления служебных имен, которое в этих случаях ориентируется на подлежащее зависимой части и выражает не посессивные, а лично-предикативные отношения. В ряде случаев 3-е грамматическое лицо служебных имен становится константным, а показатель реального грамматического лица зависимого предиката принимает на себя глагольный (причастный) компонент.

## 5. Типы управления по характеру ведомого компонента

Способность управлять, т.е. выступать в роли ведущего слова, в наибольшей степени присуща глаголу в разных его формах. Но в определенной степени она свойственна и всем остальным классам знаменательных слов: неглагольным модальным предикатам, словам «категории состояния», отглагольным и некоторым другим существительным, прилагательным, наречиям. Коннекционное управление, о котором говорилось выше, обусловлено способностью некоторых разрядов служебных слов требовать от ведомого слова определенной грамматической, в частности, падежной формы.

В настоящее время остается неясными, ограничивается ли способность управлять служебными словами типа европейских предлогов и алтайских послелогов, или в определенных случаях управлять способны и служебные слова других типов, например, частицы или подчинительные союзы. Как, например, интерпретировать синтаксическую связь в случаях типа *своими пальцами, длинными и тонкими, КАК У МУЗЫКАНТА, он извлек из саквояжа флакон?* Или *Я пришел, ЧТОБЫ ДАТЬ вам волю?* Или в алтайских языках – связь между служебным словом, восходящим к глаголу говорения (тюрк. *деп*, бурят. *гэжэ*, маньж. *сэмэ*) и винительным падежом имени, представляющего субъект зависимого действия. Но пока подобные вопросы можно только ставить: ответ на них предполагает теоретический пересмотр понятия управления, его объема и содержания.

Теоретически важным, очень интересным и пока еще неясным остается и вопрос о возможностях качественного различия в характере управления, исходящего от доминирующих компонентов разного типа: одинаковым ли образом управляют, например, глагол, существительное и предлог? И если нет, то как, в каких терминах и понятиях можно было бы описать эти различия?

В роли ведомого, управляемого слова традиционно предполагает только существительное и его прямые функциональные эквиваленты: местоимения-существительные, субстантивированные прилагательные и причастия, числительные в абсолютном употреблении, т.е. все те (и только те) лексико-грамматические единицы, которые способны принимать формы разных падежей и занимать синтаксические позиции, соответствующие валентностям управляющего слова.

В самом определении понятия управления указывается обычно, что эту синтаксическую связь определяет требование определенного падежа (см. Грамматика-70, Грамматика-80 и мн. др.). К тому же в русистике традиционно предполагалось, что сфера управления ограничена лишь косвенными падежами. Молчаливо предполагалось, что понятие управления не должно распространяться на отношения сказуемого к подлежащему. Это казалось естественным, поскольку подлежащее понималось как абсолютное определяемое, доминирующее над сказуемым, а через него и над всеми остальными членами предложения. «Самый главный» член предложения не мог рассматриваться как управляемый компонент предикативного сочетания.

Современное представление о координации сказуемого и подлежащего приоткрывает возможность рассмотрения под этим углом отношений между главными членами предложения, поскольку эта связь понимается как двусторонняя, и одна из ее сторон – это выражение отнесенности предикативного признака к референту формы прямого падежа как к активному или пассивному носителю этого признака.

Если существительное и его эквиваленты оказываются единственными возможными управляемыми формами, то о варьировании связи «управления» по характеру ведомого компонента говорить не приходится. Однако эти, очень узкие рамки понятия управления в ходе развития грамматической мысли неизбежно раздвигались в разные стороны.

С одной стороны, наряду с прямым управлением, которое реализуется в сочетаниях двух компонентов, давно уже признано управление опосредованное, предложное и послеложное, о котором говорят многие исследователи, как русского языка, так и других.

С другой стороны, в связи с новыми взглядами на структуру предложения, на конструктивную роль сказуемого, несколько понижается грамматический статус подлежащего; Л. Теньер приравнял подлежащее к другим актантам предикатов [1988]. С этого времени представление об управлении начинает распространяться на все падежные формы существительных, включая и формы прямого, именительного падежа.

Это должно было бы оказать влияние на представления алтаистики об отношениях подлежащего в простом предложении, которое в этих языках выступает в неопределенном (основном) падеже, к сказуемому: эти отношения могли бы тоже трактоваться как управление. Тем более что здесь есть и собственный, внутренний стимул для такой трактовки: во многих языках алтайской типологической общности подлежащее зависимой части некоторых полипредикативных конструкций выступает в формах родительного падежа, которые было бы естественно считать управляемыми. Однако надо признать, что этот взгляд в алтаистике не получил пока признания и распространения.

С третьей стороны, – и это, на мой взгляд, заслуживает особого внимания, – в качестве управляемых начинают осмысливаться и некоторые глагольные формы. Это относится в первую очередь к инфинитиву, синтаксическая позиция которого (а значит, в какой-то мере и функция) оказываются непосредственно сопоставимыми с такой бесспорно облигаторной грамматической позицией как прямое дополнение. Сравним: *Уезжая, соседка поручила мне свою кошку / (поручила мне, попросила меня) поливать цветы.*

В русском языке и во многих других форма инфинитива только одна. Есть языки, где инфинитива вообще нет, но функции его, те функции, которые позволяют отождествить определенные формы разных языков, обозначив их термином инфинитив, разумеется, остаются и выполняются другими формами. Отсюда логически следует, что по отношению к этим формам должен быть поставлен вопрос, каким формальным способом связаны они с доминирующими предикатами.

Надо сказать, что круг функций, выполняемых инфинитивами в основных европейских языках, которые задают своего рода эталон того грамматического содержания, которое связано с этим термином, при некоторых различиях между языками, можно считать относительно единым. Это та форма, которую принимает глагол, во-первых, в составе некоторых аналитических конструкций, включаемых в парадигму спряжения: это преимуществу формы с семантикой будущего времени; во-вторых, эту форму принимает грамматически несвободный компонент сочетаний модальной семантики, формально подчиненный модальному предикату (*хочу спать, ich will schlafen* и др.); в-третьих, это сочетание с формально доминирующими фазовыми глаголами (*начинаю считать, перестань прыгать*), с глаголами движения (*приехал повидаться, отправляйся спать*). В некоторых языках эту функцию, явно связанную с целевой ориентацией движения, выполняет особая форма, которую называют супином. В языках, где супина нет, эту роль выполняет инфинитив; если нет и инфинитива, ее берут на себя другие формы: часто это деепричастия, но нередко и причастные формы (формы причастий будущего времени). Форма дательного падежа причастия будущего чаще всего берет на себя функции европейских инфинитивов, поэтому в алтайских языках именно этим формам чаще всего и присваивается статус инфинитивов, – например, в алтайском, хакасском и др., это формы на *=арга*, где *=ар* – будущее время, *=га* – дательный падеж. Но в тувинском языке форма на *=ар=га* сохраняет статус причастия будущего в дательном падеже, а в функциях инфинитива выступают другие формы. Одна из них – причастие будущее на *=ар* во внепадежной форме.

Перечень форм, которые в разных языках выполняют разные функции, в нашем представлении связанные с инфинитивом, занял бы слишком много места. Остановимся поэтому на основных формах, которые представляются особенно важными под заданным углом зрения. Такими формами являются, безусловно, деепричастия.

Во всех алтайских языках именно деепричастия, – тюркские на *=n* и *=a*, эвенкийское на *=ми*, – сочетаются с глаголами аспектуальной, модальной, фазовой семантики. Если синтаксическая связь между финитным глаголом и инфинитивом в случаях *пришел поговорить* и *я послал его купить* расценивается как управление, то простая логика требует аналогичной оценки связи и в сочетаниях типа *намерен работать, перестал спать* и *буду тревожиться*. Оценка характера синтаксической связи не должна зависеть от степени грамматичности или идиоматичности сочетания. Но точно также должна оцениваться, по-видимому, синтаксическая связь между алтайскими финитными глаголами той же аспектуальной, фазовой и модальной семантики и деепричастными формами, выполняющими функцию, тождественную функции русского (европейского) инфинитива.

Таким образом, следуя логике аналогий, мы приходим к выводу, что управляемыми могут быть не только существительные и их эквиваленты, располагающие категорией падежа «субстантивного типа», т.е. способные именно падежной формой выразить факт, характер и семантику своего отношения зависимости от другого слова, но также и глагольные формы, этой категорией не располагающие. Причастные формы алтайских языков, в том числе и в роли зависимых сказуемых, можно соотнести с субстантивами, поскольку и те, и другие способны выступать в сопоставимых позициях, принимая однотипные, либо падежные, либо падежно-послеложные, либо внепадежные формы. Инфинитивы, которые в алтайских языках восходят к падежным формам причастий (или «имен действия»), хотя с гораздо большей натяжкой, но все-таки можно подвести под этот же тип форм. Но деепричастия в этот класс очевидным образом вписаться не могут.

Инфинитив в качестве управляемого компонента особенно интересен как раз потому, что остаточные сохраняющиеся в нем слабые признаки глагольно-именной формы позволяют хоть как-то оправдать именование его управляемым компонентом и освобождают исследователя от необходимости перестраивать, переформулировать само понятие управления. Возможность появления деепричастий в тех же позициях, в которых появляется управляемый инфинитив, такой возможности не оставляет.

## 6. Управление, исходящее не от глаголов

В роли управляющего слова чаще всего выступают глаголы, но способностью к управлению обладают слова, принадлежащие всем знаменательным частям речи, а также и многие служебные слова. Например, существительные: тув. *амыдарал=га ынакшыл* ‘любовь к жизни’; *башкы=дан дилээм* ‘моя просьба к учителю’ (букв. ‘от учителя’); *чайлаг=да аал* ‘аал на летнем кочевье’ (присубстантивное управление); алт. *Олжочылар=га өлүм!* ‘Поработителям смерть!’; *Мен=де поэт Чеченов=ко бир сурак бар* ‘У меня к поэту Чеченову один вопрос есть’; *уулы керегинде куучын* ‘разговор о сыне’.

Примеры приадективного и приадвербиального управления: алт. *Сен уур иш=ке белең бе?* ‘Ты готов к тяжелой работе?’

Управление, исходящее от послелогов, от компаративных показателей и других служебных слов: алт. *теректер=динг ортозыла өткөн жол* ‘между тополями проходившая дорога’; *куучын айдар=дан озо* ‘перед тем как начинать разговор’; *жаан табыш=тан улам* ‘из-за сильного шума’; тув. *бажың=га чедир* ‘до дома’.

Послелоги наследуют управление от тех знаменательных слов, к которым они восходят: от наречий, имен существительных или глаголов. Однако сочетания с послелогом словосочетаниями не являются – это аналитические формы имен, в составе которых морфологическая конструкция [падежный аффикс + послелог] функционально эквивалентна падежному аффиксу синтетической управляемой формы.

Например: алт. *жалкузы=нанг улам* ‘из-за его лени’, *жаш=тан ала* ‘с детства’; тув. *баж-ын ажыр* ‘через (свою) голову’; *лагерь=ни долгандыр* ‘вокруг лагеря’; *ишитпир=ни ёзугаар* ‘согласно решению’.

Падежный аффикс перед послелогом может и отсутствовать, если зависимая форма в неопределенном падеже (или во внепадежной форме; но если так, об управлении говорить нельзя).

Например: алт. *энем керегинде* ‘о моей матери’; *жалкузы учун* ‘за его лень’; тув. *ажыл-херек ужун* ‘ради дела’, *бажың чанында* ‘около дома’.

Ср. в составе словосочетаний: алт. *Энези онын жалкузы=нанг улам көп ыйлаган* ‘Его мать из-за его лени много плакала’; *Энези онын жалкузы учун оны жамандады* ‘Его мать ругала его за его лень’.

Определенная падежная форма имени может также предопределяться конструкцией в целом. Например: *(ол) се=ненг кичинек* ‘он меньше тебя’ (букв. ‘от тебя, по сравнению с тобой’). Слово *кичинек* само по себе не имеет валентности исходного падежа; выступая в данной сравнительной конструкции, любое качественное прилагательное приобретает эту валентность: *сен Учар=дан жалку* ‘ты ленивее Учара’ и др.

Именные предикаты разного типа в составе безличных конструкций очень часто приобретают конструктивную валентность – субъектную валентность дательного падежа:

Алт. *Ме=ге кандый да эп жок* ‘Мне как-то неловко’; *Се=ге мени жаманда=арга јенгил* ‘Тебе легко меня ругать’; *Се=ге эн ле баштап улусты билер керек* ‘Тебе нужно прежде всего знать людей’; ср. *Сен улусты билер учурлу* ‘Ты должен знать людей’.

## 7. Синтаксические функции управляемых слов

Управляемые слова выступают в роли разных членов предложения. Чаще всего, как уже было показано, они бывают дополнениями при глаголах.

Например: алт. *Эжик=тенг солун јуучыл кирип келди* ‘Из двери вошел незнакомый военный (солдат)’; тув. *Авай, мен Хүргүл чарым мунуп алыр мен* ‘Мама, я поеду верхом на Хургул чары’; здесь *Хүргүл чары* – прямое дополнение в неопределенном падеже.

Управляемыми могут быть и разного рода обстоятельства: алт. *сүјүнгенин=е кыйгырды* ‘от радости крикнул’; *коркыганы=нанг унчукпай барды* ‘испугавшись (от испуга) замолчал’; тув. *Бир ле чер=де будук-даа дырс кылыган* ‘Где-то хрустнул сук’; здесь *бир ле чер-де* – обстоятельство места, форма местного падежа; *Школа=да өөренип турар уруувус бар* ‘У нас есть дочь, которая учится в школе’; *Өл-ден артар, өрт-тен артпас* (поговорка) ‘От сырости остаются, от пожара не остаются’.

## 8. Управление как способ подчинения в сложном предложении

В сложноподчиненном предложении отношения управления часто связывают главную часть с придаточной. Такое управление непосредственно осуществляется как управление причастным, реже – именным сказуемым. Оно, как и управление существительными, может быть обязательным и предсказуемым, если придаточная часть, конкретнее – ее именное или причастное сказуемое, принимает аффиксы того падежа, которого требует глагол-сказуемое главной части. Такие отношения наблюдаются в сложных предложениях изъяснительного типа, в главной части которых выступают предикаты определенных лексико-семантических групп. Это, во-первых, глаголы с семантикой оперирования информацией: получения информации, ее хранения, передачи другим лицам, потери (*узнавать*,

спрашивать, знать, помнить, сообщать, забывать и т.п.), которые требуют оформления придаточной части винительным падежом; во-вторых, это эмотивные глаголы типа *радоваться, сердиться, завидовать, тосковать*, требующие дательного падежа, и типа *бояться, брезговать, стыдиться* и некоторые другие, требующие исходного падежа. В-третьих, это предикаты адъективного типа, требующие от первой части неопределенного (притяжательного) падежа – в соответствии ролью подлежащего, которую выполняет эта предикатная единица. Возможны и другие случаи обязательного предсказуемого управления в сложном предложении, но они более редки.

Управление зависимой частью может быть непредсказуемым и необязательным. В алтайском языке широко используются формы дательного, местного, исходного падежей зависимой части для передачи обстоятельственных значений, чаще всего временных и причинных, а в сочетании с послелогоми и целого ряда других.

Например: алт. *Күн кып-кызыл тумандый болордо, ол үн жоктон айлы жаар басты* 'Так как солнце было как красный туман, он без слов (без звука) пошел к дому'; *Олјодо эки ай болгонын сананып, Лиңји ыйлап јад=арда, ичиндеги балазы кыймыктаган* (ИШ,КJ,16) 'Когда Дьинды лежала и плакала, думая о том, что уже два месяца она в плену, ребенок у нее в животе зашевелился'.

*Примечание.* Исходя из общего определения синтаксической связи «управление» как такой связи, при которой главное слово, в любой своей форме, требует поставки слова в определенной форме, можно говорить не только об управлении именами существительными, но и об управлении глаголами: полнозначный глагол, попадая в зависимую позицию при другом глаголе, принимает не только определенную причастно-падежную форму, но также и форму деепричастия на =п, на =а, на =гаиш, на =байн.

Например: тув. *Күжүр ачаңны сактып, бодап, ынакшып чор* (К. Кудажи) 'Живи, помня, думая, любя своего дорогого отца'; *Эмдик буганы буундуктап өөредип алыр* 'Необузданного быта умирят с помощью повода' (букв. «зауздывая»); *Авам өөрүп чугаалады* 'Моя мама рассказала с радостью (радуясь)'; *Ынчалза-даа ол ачаң бистиң дугайывысты бодааш, өлүрүнден чалданмаан* 'Но он, твой отец, думая о нас, не испугался смерти'; *Мен дыштанмайн пат туруптум* 'Я совсем устал от того, что не отдыхал'; *Чыда өлүр чылан эвес* (поговорка) 'Не умирать же лежа, подобно змее'.

### 9. Типология источников управления

Определяя специфику управления по сравнению с согласованием, нередко указывают на то, что управление исходит от слова, а не от формы слова, и ведомая форма остается одной и той же, как бы ни менялась форма ведущего слова. Однако этот тезис требует уточнения, потому что вовсе не все те лексико-грамматические производные, которые принято называть формами одного слова, характеризуются инвариантным набором валентностей.

Наряду с теми валентностями, которые действительно присущи разным словам как индивидуальным единицам словаря, принадлежащим к той иной части речи и которые, прежде всего имеются в виду, когда о валентностях говорят «в общей форме», наблюдаются и валентности существенно других типов, связанные либо с классами слов, независимо от индивидуальности входящих в них единиц, либо с классами форм, т.е. формообразовательных или словообразовательных производных.

Известно, что границы между словоизменением, формообразованием и словообразованием, как в индоевропейских, так и в алтайских языках далеко не всегда очевидны. В ряде случаев они проведены и потому заслуживают специального обсуждения.

Словоизменением называется варьирование слова в рамках грамматической парадигмы. Однако объект этой парадигмы, а точнее, той ее части, которую традиция признает «безусловно грамматической», устанавливается довольно произвольно. У существительных в этот объем входит не только синтаксическая по своей природе категория падежа, но и категория числа, явно лексико-грамматическая. У прилагательных довольно двусмысленным остается положение «на краю парадигмы» не только компаративных форм, но и кратких, предикативных. Между тем, системы валентностей этих форм очень существенно различаются.

Только компаративная форма русского прилагательного управляет родительным падежом объекта сравнения: *пионы душистее георгин*. В алтайских языках, где специальных компаративных форм нет, каждое прилагательное приобретает компаративную валентность исходного падежа в составе компаративной конструкции.

Превосходная степень предполагает своеобразную валентность «превосходимого множества»: *сильнейший из спортсменов, младший из сыновей*. Однако относительно этих форм может быть поставлен вопрос о теоретическом признании их, с грамматической точки зрения, отдельными лексемами. Веским основанием для такого решения является «удвоение парадигмы»: ведь превосходная степень воспроизводит всю падежно-родо-числовую парадигму прилагательного.

В алтайских языках специальной превосходной формы, как и сравнительной, нет, эту функцию выполняет единственная адъективная форма в специальной конструкции. Предикативные формы прилагательных, «краткие», характеризуются субъектно-подлежащей валентностью именительного падежа, которая типологически противостоит обратной валентности полных, атрибутивных прилагательных, ориентированной на определяемое имя. Определяемое прилагательным существительное всегда является экс-подлежащим предикативной конструкции, в которой утверждается принадлежность данного признака данному предмету. При этом у полных прилагательных прямая и обратная валентность могут быть названы обратными, – сравним: *эта ленточка красивая / эту красивую ленточку подари сестренке*; краткие прилагательные обратной валентностью не обладают.

Еще гораздо сложнее подобные отношения в сфере глагола.

Парадигма глагола в самом узком, морфологическом смысле формируется категориями лица наклонения и времени. Поскольку же время свойственно прежде всего и по части исключительно индикативу, то это ядро парадигмы и предстает как система индикатива (с лицами и временами) в оппозиции «другим наклонениям», система которых в теории проработана слабо. Когда мы подходим к этим представлениям с точки зрения проблемы валентностей, то сразу же наталкиваемся на эту нечеткость в понимании «неизъявительных наклонений».

Первое из этих наклонений – повелительное, императив, и главная форма императива – 2 лицо ед. числа: *Иди! Принеси!* Косвенные валентности императива те же, что у индикативных форм: *Дай брату карандаш. Поважси голову косынкой. Заплати за покупку. Отойди от окна. Не прыгай через лужи* и т.д. Эти валентности обусловлены семантической структурой каждого глагольного слова, в которой экономным способом отражена структура подразумеваемого глаголом класса ситуаций.

Однако в структуру подобных ситуаций входит еще одна свободная переменная – агенс, субъект, первый актант. Выше уже говорилось о том, что его роль в индивидуализации описываемой ситуации минимальна. Это находится в соответствии с его всеобщностью, которая позволяет легко элиминировать этот актант в схематическом представлении ситуации, которое строит лингвист. Это же обстоятельство позволяет и говорящим устранять его из поля зрения в определенных случаях или отодвигать в тень, покидая в ранге. Сейчас следует обратить внимание на то, что эти возможности реализуются в разных языках отнюдь не окказионально, а с помощью специальных языковых механизмов.

С моей точки зрения, глагольная форма императива лишена облигаторной субъектно-подлежащей валентности как «валентности № 1». Ее замещает собою валентность, ориентированная на обращение. С грамматической точки зрения обращение представляется мне такой особой формой имени, назначение которой состоит в вовлечении в данную речевую ситуацию 3-го лица, в ней ранее не участвовавшего, т. е. в превращении 3-го лица во 2 лицо. При этом, однако, сохраняются индивидуально-типичные характеристики, номинативные выделители, которые связаны с обозначением лица именем существительным, собственным или нарицательным, и потому обычно присущи только 3-му, но не 2-му лицу. Сравним: – *Поддай-ка мне стакан!* В этом случае адресат просьбы мыслится наличным, данным, уже включенным в ситуацию. – *Владимир Иванович, узнайте, пожалуйста, когда сел самолет из Магадана.* Здесь адресат просьбы не мыслится заранее включенным в речевую ситуацию, безотносительно к его физическому наличию «здесь и сейчас»; обращение есть актуализация его участия в речи.

Поэтому местоимение *ты* или *вы* при форме императива не является собственно обращением. Эти формы выполняют лишь чисто выделительную, эмфатическую функцию. Подлежащего как особой позиции при императиве нет, но семантика 2 лица как адресата речи включена в само грамматическое содержание этой формы.

Эта особенность императива, его главной и по существу единственно достоверной формы, эта ее валентностная специфика, представляется мне очень важной. Поэтому хочется отметить и то, что в системе понятий нашей лингвистики вряд ли возможны сомнения в оценке императива как формы глагола, а не отдельного слова.

Близка к рассмотренной грамматической ситуации и ситуация с инфинитивом. Выше мы говорили о нем как о ведомой форме. Теперь рассмотрим его же, как ведущую, управляющую форму. В своем собственном качестве инфинитив лишен подлежащей валентности. В кочующем из пособия в пособие пушкинском примере инфинитива в роли простого глагольного сказуемого *А царица хохотать* легко ощутим эллипсис фазового глагола; а может быть, контекстуально обусловленная фазовая семантика – сема начала действия – присуща самому инфинитиву. Инфинитив в подобных примерах замещает фазовую конструкцию «начала хохотать».

Отсутствие подлежащей валентности именительного падежа компенсируется у инфинитива потенциальной субъектной валентностью дательного падежа, которая присуща ему во многих разных языках мира. Возможно, это как-то связано с тем, что и в самих формах инфинитива регулярно прослеживается

архаичный, восстанавливаемый этимологически, как в русском или совершенно живой, как в тюркских, аффикс дательного падежа. Эту же форму принимает и субъектный актант во фразах типа: *Быть беде; Не быть тебе генералом; Мне еще долго здесь сидеть; Вам лучше приехать завтра; Ему выступить после меня; Мне трудно подниматься в гору*; а также: *Перед тем как ему выступить, испортился микрофон; Если вам поехать утренним поездом, после обеда вы будете дома* и мн. др.

Сравним алтайские примеры с использованием дательного падежа субъекта при инфинитиве на =арга: *Меге кычыр=арга јарабас* 'Мне нельзя читать'.

Ясно, что валентность дательного падежа субъекта принадлежит не глаголу как слову, а именно форме инфинитива. И обусловлена она не структурой ситуации, которая обобщенно отражается в индивидуальной семантике глагола, а в особом повороте этой семантики, который именно и характеризует класс глагольных форм, называемых инфинитивами. При этом, все остальные валентности, кроме субъектной, у инфинитива и у финитных форм индикатива и императива совершенно тождественны, что и позволяет использовать инфинитив для экономной демонстрации модели общеглагольного управления: алт. *брать* – что? чем? откуда?; русск. *давать* – что? кому?; *стрелять* – в кого / что? из чего? чем? и т.д.

С остальными инфинитивными формами глаголов, причастиями и деепричастиями, дело обстоит и сложнее, и проще. Проще – с точки зрения традиционной русистики, которая признает и причастия, и деепричастия неличными формами, не имеющими подлежащей валентности, а деепричастия также неизменяемой, что дает основание считать ее примыкающей. Вопрос становится сложнее, если мы не согласимся с характеристикой этих форм как неличных, – вывод, который закономерно следует из знакомства с причастными и деепричастными формами алтайских и уральских языков.

Деепричастие даже в большей мере, чем финитные формы глагола, именно строго личная форма. Не случайно от безличных глаголов и безличных ЛСВ личных глаголов русского языка деепричастные формы образовать нельзя. Но специфика русских деепричастий (как и подобных им деепричастий урало-алтайских языков) состоит в том, что их личная, субъектная (субъектно-подлежащая) валентность всегда устремлена к подлежащему, общему с финитным глаголом. Она качественно преобразована по сравнению с первой валентностью финитных форм, но она не исчезает, а в новом качестве остается.

Однако далеко не все деепричастия (или герундивы) в алтайских и уральских языках в этом отношении подобны русским. Многие якутские, бурятские, эвенкийские, алтайские, тувинские деепричастия, подчиняясь финитному глаголу (прямо или опосредованно), сохраняют собственную субъектно-подлежащую валентность. В одних случаях, в одних языках эта валентность реализуется как требование той же формы неопределенного падежа, в которой выступает подлежащее финитных глаголов, в других случаях этой валентности удовлетворяют формы родительного падежа, функционально аналогичные первым. Так, в тюркских языках деепричастия всегда управляют прямым, неопределенным падежом «своего» подлежащего. В бурятском языке одни деепричастия требуют от своего подлежащего неопределенного падежа, другие родительного, допуская иногда и неопределенный.

Причастия – самый сложный, неоднозначный класс инфинитивных форм, если иметь в виду те формы, которые подразумеваются этим термином в работах о разных языках мира. Основной, универсальной функцией причастий признается функция атрибутивная. В тюркологии, да и вообще в алтаистике причастиями называются только такие формы, в составе функций которых есть и атрибутивная. Однако в русистике причастиями называют и предикативные страдательные формы на =т / =н (*забыт, изрезан*), которые в атрибутивной функции выступать не могут. По сути своей чисто финитные формы, которые только по недоразумению остаются за рамками парадигмы собственно глагола.

Причастную (причастно-определятельную) форму принимает глагол, выражая этим свое подчинение имени существительному, определяемому имени. В русском языке эти отношения получают формальное выражение в согласовании. Согласование в числе и падеже имеет место и в эвенкийском языке. Но в тюркских, монгольских, обско-угорских, самодийских и многих других языках согласования нет, причастное определение, как и адъективное, примыкает к определяемому имени. Это те же самые отношения, обратные по отношению к подлежащно-сказуемым, о которых уже говорилось в связи с прилагательными.

Яркой особенностью русских полных действительных и страдательных причастий является то, что подлежащую валентность они теряют полностью и навсегда. Эти формы, в отличие от полных прилагательных, не могут быть использованы в качестве сказуемых. В преобразованном виде эта валентность адресуется определяемому имени, которое по отношению к причастному действию всегда является агенсом, если причастие действительное, и пациенсом – если страдательное: *мальчик, поймавший зайца – заяц, пойманный мальчиком*.



В алтайских языках ситуация в корне иная. Причастное определение может здесь примыкать не только к имени своего «экс – подлежащего», т.е. агенса или, для страдательных форм, пациенса, но и к именам других участников действия. И в этих случаях подлежащая валентность, присущая глаголу, у причастия сохраняется: ведь «обернутой» на определяемое имя оказывается в этих случаях какая-то другая валентность.

Например: алт. *Сенинг кызыма берген бичигин сырангай солун болгон*. 'Книга, которую ты дал моей дочери, была очень интересная'. Буквально: Тебя (ты, но в род. падеже) дочери моей (дат. п.) дал (прош. время, но без показателя 2 лица) книга-твоя (посессивный аффикс 2 лица ед.ч.) очень интересная была. Причастное определение при слове *книга – берген* – не имеет показателя страдательного залога (ср. *бер-ил-ген* – данный), это активная форма, поэтому я перевожу ее глаголом *дал*, при котором местоимение 2 лица *сен* в родительном падеже выступает в роли агенса-подлежащего. В этой позиции возможны и формы неопределенного падежа, и на закономерностях выбора между ними задерживаться не стоит. Существенно, что эта валентность сохраняется, а также и то, что она тоже подвергается определенному преобразованию: она не тождественна аналогичной валентности финитных форм, но связана с последней отношением соответствия.

В алтайских языках существует особая подсистема зависимой предикации, которая действует в сфере зависимой части полипредикативных конструкций. В роли зависимого сказуемого в этих конструкциях широко используются глагольные формы, которые Е.И. Убрятова назвала формами предикативного склонения причастий. Они употребляются в изъяснительных конструкциях, где присловная зависимая часть испытывает сильное управление со стороны конечного, т.е. главного сказуемого, и в обстоятельственных, детерминатных, где зависимая часть связана с главной отношениями слабого управления. Здесь падеж зависимой части, а непосредственно – падеж ее причастного сказуемого, которое принимает на себя соответствующий падежный аффикс, определяется не требованием, исходящим от предиката, а содержательным отношением этой части к доминирующей над нею. Оценка этих отношений как примыкания, которая иногда имеет место, обусловлена разным пониманием специалистами границ понятия управление. Если мы оценили аналогичную связь между словоформами как управление, то и здесь должны оценить ее аналогично.

Однако сейчас нас должны интересовать не связи между зависимой и главной частями ППК (они подробно освещены в монографиях «Предикативное склонение причастий», 1984, и «Структурные типы», 1986). Мы говорили об управлении предиката зависимой части первым актантом. В тюркских языках Южной Сибири, как и в некоторых других, где формы неопределенного и родительного падежа в этой функции конкурируют, для обстоятельственных ЗПЕ характерно подлежащее в неопределенном падеже, для изъяснительных более характерно в этой роли родительный, хотя возможен и неопределенный. Например:

Алт. *Бала сен фронтко атана бер=ер=инг=де чыккан*. 'Ребенок родился, когда ты ушел на войну.'

Во всех алтайских языках представлен и еще один тип управления первым актантом, о котором тоже упоминалось выше. Это управление винительным падежом в конструкциях, где зависимая часть вводится с помощью служебного слова *деп* (*мен, мин*) – деепричастия глагола говорения. Понятно, что эти конструкции сформировались на базе способов передачи прямой речи, которая в алтайских языках опирается на глагол *де=* в тюркских, *гэ=* в монгольских, *гу=* в эвенкийском, *сэ=* в маньчжурском. Особенность этой изъяснительной конструкции состоит в том, что первый актант зависимой части принимает здесь форму винительного падежа, подчиняясь не предикату самой зависимой части, а – через служебное слово *деп* – конечному сказуемому. При этом сам доминирующий глагол может быть как переходным, так и непереходным.

Алт. *Сени* (вин. п.) *янып келер, олбос деп ичимде сананып жүргем* (АА,УБТ,39) 'В глубине души я думала, что ты не погиб и вернешься' (букв. (про) тебя – (он) придет, не погиб мол – в душе думала я); *Сени, бистинг, жоктулардын өмөлигине кирерге туру дешкен, чын ба?* (АА,УБТ,20) 'Правда ли, что собираешься вступить в нашу бедняцкую артель?' (букв.: (про) тебя, в нашу бедняцкую артель собирается (он) вступить говорят, правда ли?).

Согласно точке зрения, принятой сейчас большинством специалистов, причастия и деепричастия, как и инфинитивы, супины, масдары и вообще все инфинитивные формы, не составляют самостоятельных частей речи, т.е. остаются именно формами глагола. Но в лингвистике известны и другие решения относительно статуса этих форм, – например: В.А. Аврорин выделял их в качестве особых частей речи [1961, т. 2].

Мое понимание этого вопроса заключается в том, что само понятие лексико-грамматической единицы, которая важна в нашей науке постольку, поскольку она оказывается носителем определенных свойств, поскольку мы осознали этот набор и должны приписать его некоторой субстанции, – эта

единица не может оставаться одной и той же в разных действительных ситуациях. Наше традиционное представление о слове формировалось как «лексическое и грамматическое единство». Мы верим, что в лексикологии и лексикографии мы понимаем и должны понимать под словом то же самое содержание, что в синтаксисе и морфологии. Но вряд ли это так и будет в дальнейшем.

Конечно, с точки зрения лексикологии и особенно лексикографии нет никакой не только необходимости, но и потребности выносить сравнительные и превосходные формы прилагательных, инфинитивные формы глаголов в словарях в качестве особых вокабул. Но когда мы говорим об управлении и о том, от каких лингвистических объектов исходят те или иные валентности, то нетождественность названных форм с основными формами кажется очевидной.

Мы видим, таким образом, что управление может исходить не только от слов, но и от определенных форм. По-видимому, это следовало бы отразить и в формулировке, определяющей управление как вид связи. Но как назвать этот источник валентностей, чтобы охватить эти разные случаи, мне пока неясно.

Выявляет свою специфику по сравнению с глагольным управлением и атрибутивно-посессивное управление, характерное для русского языка: *рукав пиджака, комната брата, выдача паспортов*. Это управление своеобразно также и по сравнению с компаративно-адъективным управлением: *брат выше меня, деревянный дом теплее, чем каменный*.

Речь, таким образом, идет о том, что представление об управляющем компоненте как о слове определенной части речи оказывается слишком укрупненным.

АА, УБТ – А. Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.

БУ, Т – Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.

ИШ, КЖ – И. Шодоев. Кызаланду жылдар. Горно-Алтайск, 1974.

*Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1961. Т. 2: Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц.

*Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

*Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

*Грамматика русского языка* / Под ред. акад. В.В. Виноградова, чл.-кор. АН СССР Е.С. Истриной. М.: Наука, 1954. Т. 2. Ч. 1.

*Грамматика современного русского литературного языка* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970.

*Плоткин В.Я.* Строй английского языка. М., 1989.

*Предикативное склонение причастий в алтайских языках.* Новосибирск, 1984.

*Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис.

*Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем.* Новосибирск, 1986.

*Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.